

ВАЛЕНТИН И НАТАЛЬЯ САРАФАНОВЫ

**ПО ЗАКОНУ
ВОЗМЕЗДИЯ**

Наталья Алексеевна Сарафанова
Валентин Валентинович Сарафанов
По закону возмездия.
Боевое фэнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28745174

ISBN 9785449022660

Аннотация

Мало кто знает, что ему готовит судьба. Бывает так, что одно слово может вызвать лавину непредсказуемых событий. Командир гарнизона пограничного форпоста доблестный воин Тайлуг честно несет службу и не помышляет о власти. Но дни грядущие уготовили ему и его сыну Зерону жестокие испытания. Магия против меча, коварство против доблести, ложь против правды. Кто одержит победу в этой битве?

Содержание

ПРОЛОГ ИСТОРИИ	5
ЧАСТЬ 1	8
Глава 1	8
ПОСЛАННИК	8
Глава 2	21
Глава 3	34
ПРИКАЗ	34
Глава 4	45
БИТВА В ДОЛИНЕ КРОН	45
Глава 5	58
ВОЗВРАЩЕНИЕ	58
Глава 6	73
ХРАМ ТЬМЫ	73
Глава 7	86
ЖРЕЦ ХРАМА КРОВИ	86
Глава 8	102
ВЫБОР	102
ЧАСТЬ 2	119
Глава 1	119
АХАРТА	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

По закону возмездия Боевое фэнтези

**Валентин Валентинович
Сарафанов
Наталья Алексеевна
Сарафанова**

Дизайнер обложки Валентин Валентинович Сарафанов

© Валентин Валентинович Сарафанов, 2018

© Наталья Алексеевна Сарафанова, 2018

© Валентин Валентинович Сарафанов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-2266-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ ИСТОРИИ

Давно это было. Там, где хрустальные воды тихой речки впадают в широкий поток Реки Времени, да окрест под буйными ветрами высятся красные скалы, посадил Создатель Мира росток Дерева Жизни.

Окреп росток, и заструилась жизнь на Земле поначалу ручейками малыми, а после реками широкими, породившими рыб быстрых, птиц небесных, зверей полевых да лесных и человека с ними.

Человек силу на Земле набрал и стал угрозой для Дерева Жизни.

Тогда Создатель Мира выбрал тысячу самых лучших воинов и воительниц, чистых сердцем, непревзойдённых в доблести и военном искусстве, собрал их воедино и послал на берега Реки Времени, для охраны Дерева Жизни. И нарек он их Воинами Жизни

Вместе с воинами послал Создатель великих магов, чтобы те чтити древние традиции и мудростью своею направляли силу Воинов Жизни на поддержание мира и отражение врагов.

И заповедано им было Создателем – не ставить преград на пути великой жизненной силы, исходящей от Дерева Жизни.

Основали Воины Жизни вместе с Хранителями Державу

Мира и стали стражу нести.

Но восстал против Создателя великий дракон по имени Эрхон, полагавший, что вечная стража Дерева Жизни будет ему доверена. Бился он с Создателем. И сотрясались небеса, и гасли звезды.

В этой великой битве Создатель Мира смертельно поразил дракона.

Рухнул дракон на Землю. Капли крови его застыли камнями-рубинами, а сам он обратился в скалу. Прикосновение человека к ней может оживить дракона, и человек тот станет Властителем Мира. Но никто не знает, где та скала.

С той битвы прошло много времени. Воины жизни построили вместе с Хранителями стольный град. Отражали они атаки врагов в великих битвах и побеждали всегда.

Проходил год за годом. Река Времени несла свои воды далеко на Север в Океан Вечности, и шумело ветвями на её берегу Дерево Жизни, но не давало плодов оно.

И вот однажды снизошло на пророка по имени Зуглус видение страшное. Будто с далекого севера, подобно туче темной, вышло воинство несметное. Противостоять тому воинству сможет лишь владеющий Клинком Силы, что Царем Подземного мира выкован.

Выслушали Хранители Зуглуса и решили найти Клинок.

Во главе сотни воинов на его поиски отправился Воин Жизни по имени Тингур. Но не вернулся ни один из них. И вестей от них не было.

Тогда решили Хранители, окрест земель своих пламенный меч возвести обращающийся, дабы кольцом огненным путь врагу страшному преградить.

Но воспротивился тому могущественный из Хранителей маг Мауронг. Напомнил Мауронг наказ Создателя Мира не строить преград на пути потоков жизненных, от Дерева Жизни текущих по земле. Ибо, нарушен будет Закон, данный свыше. Зло возрастет, и реки крови потекут. Ослабнут силы магов, и Держава Мира рухнет.

Не вняли Хранители словам Мауронга. Изгнали они сильнейшего мага из рядов своих и прокляли его.

И ушел Мауронг на север далекий. С ним много Воинов Жизни ушло.

И основал Мауронг на далеком севере Империю мауронгов.

ЧАСТЬ 1

Глава 1

ПОСЛАННИК

Люби врага своего и сделаешь его слабым. Будь жесток и беспощаден к себе и обретешь силу. Так завещал великий Мауронг.

* * *

Долина реки Хель. Пять тысяч триста путей Небесного огня от начала Хаккадора – Державы Мира. Двадцатый день шестой Луны.*

Тысячи воинов сомкнули щиты и застыли в напряженном ожидании.

Армия Империи мауронгов изготовилась к битве с полчищами зергов. Эти дикие и воинственных народы, населяли бескрайние степи за юго-западным темным залесьем.

Войско врага накрывало широкую долину реки Хель подобно приливу штормового океана. Зерги стремительно приближались вместе с нарастающим ревом тысяч людских гло-

ток, лязгом железа и пронзительным ржанием лошадей.

Он стоял в первом ряду. Это была его первая битва. От роду ему было восемнадцать путей Небесного огня.

– Копья! – разнеслась команда.

Он отставил назад для упора, как его учили наставники, правую ногу и опустил копьё. Быть сбитым на землю, будучи в первом ряду в начале битвы – верная смерть. С приближением зергов в нем росло ощущение нереальности происходящего, и каждая часть его тела все более напрягалась в нетерпеливом желании боя.

Реальность пришла в зверином оскале врага, жестком ударе в щит и сухом треске сломанного копья. Он отбросил бесполезный обломок древка и выхватил меч. Рядом вздыбилась лошадь гетальпа**, сбросила всадника и завалилась на бок. Он кинулся к поверженному наземь командиру, щитом отразил удар вражеского топора и взметнул клинок. Брызнула кровь. Лохматый зерг с рассеченным горлом рухнул ничком, рванув в предсмертной судороге ногтями сырую траву.

Гетальп вскочил на ноги, ободряюще кивнул, и круговорот битвы унес его в сторону.

Над полем сражения метались яростные крики, звенела сталь, храпели кони. Враги продолжали наседавать. Он видел оскаленные, искаженные яростью лица вокруг. Щиты, топоры, мечи, враги, свои – все смешалось в бешеном потоке битвы.

Много ли прошло времени? В смертельной схватке вечность превращается в миг.

Правая рука повисла плетью. Отбросив щит и, перехватив меч в левую руку, шатаясь на слабеющих ногах, он изготовился вновь к отпору, но тяжелый удар в затылок опрокинул его наземь.

Сознание вернулось вспышками боли.

– Жив, наш новобранец, – услышал он хриплый голос, и открыв глаза, увидел над собой гетальпа, а за ним бородастые физиономии соратников, оскаливших рты в довольных улыбках.

– Мы победили? – спросил он, с трудом поднимаясь на ноги. Голову повело в сторону. Правая рука не слушалась.

– Мауронги не могут проиграть, – гордо произнес гетальп. – Я обязан тебе жизнью. Как твое имя, герой?

– Тайлуг, – ответил он, глядя на склоны долины реки Хель, где войска мауронгов, преследовали разбитого врага.

– Если бы не этот герой, то твоя душа, Адаульф уже летела бы в Дхор***, – нагло ухмыльнулся гетальп третьей хуги**** седьмого хугатона***** по имени Дзен. – Я видел, как он закрыл тебя, когда ты свалился с коня.

Адаульф в ответ даже бровью не повел.

– У тебя взгляд волка. Ты храбрый и умелый воин. Далек пойдешь, – произнес он, крепко приложив Тайлуга увесистой ладонью по раненому плечу.

Похвала была принята молча, со стиснутыми от боли зу-

бами.

– Пора праздновать великую победу на телах наших врагов, – торжественно продолжил Адаульф. – У победителей раны заживают быстро. Выпьешь вина с кровью и как заново родишься. Рука твоя снова скоро будет держать меч. Идем же!

– Идем, – кивнул Тайлуг.

С того дня Небесный огонь прошел еще семнадцать путей.

** Небесный огонь – Солнце. Один путь Небесного огня равен одному году.*

*** Гетальп – командир хуги.*

**** Дхор – мир мертвых*

***** Хуга – боевая единица армии мауронгов численностью пять сотен бойцов.*

****** Хугатон – боевая единица армии мауронгов численностью пять тысяч бойцов*

* * *

Семнадцать лет спустя. Хаккадор. Стольный город Анвантар. Крепость Ахантагор. Дворец Небесной силы. Пять тысяч триста семнадцать путей Небесного огня от начала Анвантара. Ночь восьмого полнолуния.

Одинокий страж застыл высоко на внешней стене Аханта-

гора, плотно кутаясь в плащ от пронизывающего ветра. Далеко внизу под склоном Красной горы раскинулся Анвантар. Город спал, накрытый чернотой ночи, но лучезарные камни на крышах домов и высоких башнях обители магов бросали во тьму свой холодный свет, зыбко отражаясь в черной воде Реки Времени.

Ахантагор высился над городом темной громадой. Обитель магов представляла собою каменный лабиринт с башнями, сумрачными залами, дворами и переходами. Ахантагор вырос за многие века подобно древнему дереву с толстыми раскидистыми ветвями, и корни его вросли в Красную гору.

Звонящая тишина, разбавляемая потрескиванием горящих факелов, застыла в глубинах крепости. Их мерцающий свет касался камней пола и рисовал длинную процессию попарно маршировавших во тьму высоких гранитных колонн. Меж ними бесшумно, словно призрак двигался Высший Хранитель великого Хаккадора архимаг по имени Марквентор.

Меж колоннами на каменных тронах изваяниями восседали, вглядываясь в вечную тьму, давно покинувшие этот мир предшественники Марквентора. В зыбком огне факелов они казались живыми.

Первым среди равных застыл вечным покоем суровый черномраморный лик первого Хранителя архимага Ахрона. Ближе к середине ряда в сумраке таился согбенный каменный образ Демамбры, изгнавшего из Хаккадора мага Мау-

ронга. Каменотес хорошо знал своего господина и передал в сером граните его характер. В камне Демамбра выглядел внешне спокойным, но его длинные скрюченные пальцы судорожно сжимали складки одеяний, свидетельствуя о внутренней борьбе темных и светлых магических сил, бушевавших в нем когда-то. Демамбра быстро сдал здоровьем после изгнания Мауронга и прожил недолго, скончавшись в одну из холодных зимних ночей. Сразу за Демамброй восседал мрачный Рикс, построивший семь уровней Перекрестка Миров, а после Рикса растворялись в сумраке каменные формы мудрого и осторожного Сталька, отпустившего Воинов Жизни за Великую Радугу.

Стауи, статуи... Замыкала длинный ряд каменных фигур статуя отца Марквентора мага по имени До. Настанет срок, и сам Марквентор восстанет здесь в камне. А пока... А пока надо спешить, ибо время не ждет. Уже скоро грядет ночь шести планет.

Длинный коридор Предков остался позади. Рука Марквентора легла на холодную медную ручку тяжелой двери. За дверью крылся Тронный зал, где по правую руку от входа стену накрывали полковые знамена Воинов Жизни, давно покинувших Хаккадор.

Созданный в качестве защиты обители магов огненный меч, нареченный Великой Радугой преградил путь всему живому. Даже самый смелый враг боялся к тому огню приближаться. Воины Жизни, оставшись без ратного дела, обрати-

лись к Хранителям отпустить их за пределы Радуги, на что тут же получили разрешение отправиться куда угодно.

Опасались маги, что дух Мауронга среди воинов витает, и восстать те могут. Открыли они путь через Великую Радугу и воинов выпустили.

С того дня Небесный Огонь прошел многие сотни путей. Изображения драконов, тигров, грифонов, единорогов на знаменах потускнели. Когда-то ветры великих битв развевали их полотнища, но с давних пор лишь холодные сквозняки изредка шевелили тяжелую ткань, вобравшую в себя пыль кровавых полей. Марквентор шел через Тронный зал, и глаза тигров и грифонов мрачно взирали поверх его головы в ночь за высокие стрельчатые окна, пронзающие стену по левую руку от входа.

Напротив двери в дальнем конце зала висел тяжелый гобелен с вытканым золотыми нитями огнедышащим драконом. Под гобеленом темнел малахитовый трон, символизирующий цвет вечнозеленого Дерева Жизни. По сторонам трона расправили крылья изваяния двух грифонов из черного оникса.

На стенах горели факелы.

Марквентор опустился на трон, стиснув ладонями золоченые змеиные головы на подлокотниках так, что побелели кончики его пальцев, прикрыл глаза и, откинувшись на спинку трона застыл в полной неподвижности. Ни один мускул не шевелился на его лице, схожем со скалистым утесом, ни

одна складка темно-зеленого плаща не изменяла своей формы. Марквентор восседал на троне подобно каменным изваяниям из Коридора предков. Не шевельнулся он и в тот момент, когда из гранитной стены, увешанной знаменами, явил себя смутный контур человеческой фигуры, как бы кутавшейся в завесы мрака. Постепенно фигура обрела четкие очертания, но сумрак в тени капюшона, надвинутого на голову, не позволял разглядеть лицо человека. Но человека ли?

– Ты звал меня, господин? – нарушил тишину Тронного зала голос холодный, как лунный свет и монотонный, как потрескивание льда на замерзшем озере. В нем сквозило нечто потустороннее, идущее из запределья.

Длинный до пят плащ пурпурного цвета полностью скрывал фигуру.

– Подойди, Негваль, – произнес Марквентор, открывая глаза. Его слова эхом отразились от стен зала и растворились в сумраке. – Подойди. Мы будем говорить тихо, так тихо, как шелестят листья на деревьях под легким дуновением ветра, ибо никто не должен слышать то, что я скажу тебе теперь.

Негваль бесшумно приблизился к трону на расстояние, как того требовал ритуал почтения. Из глубины тени под капюшоном на миг проявились глаза, сверкнувшие густой нечеловеческой синевой. Пред Марквентором стоял не человек. Сущность, имеющая человеческий облик, чрез который пробивалось могущество нелюди, была сильнейшим боевым магом Хаккадора.

Марквентор поднялся с трона и подошел вплотную к Негвалю.

– Жертвенное время приближается, – произнес он едва слышимо. – Осталось ждать три луны.

Воцарилось долгое молчание.

– Позволь спросить, господин. Жертва известна? – первым нарушил его Негваль.

Нечто холодное шевельнулось в глазах Марквентора.

– Имя еще не названо мне, – ответил он. Но поведано, что это будет девочка, ибо сказано мне с небес, что дочь, рожденная от матери человеческой даст силу Древу Жизни через жизнь свою. Перст свыше укажет.

– Это будет великая жертва, – прошептал Негваль. – Но кто прольет невинную кровь на корни Древа, ради плодов его? Я?

– Нет. Не ты, – едва заметно повел головой из стороны в сторону Марквентор. – Жизненную силу невинной жертвы должен забрать Воин Жизни. Так сказано мне.

– Воин Жизни? – глаза боевого мага вновь исторгли синий свет. – Но у нас нет этих воинов. Давно уже нет.

– Да. Их нет у нас. Их надо искать там, куда они ушли. Я знаю, я чувствую, что далеко на севере остались их потомки. Их немного. Возможно, что в живых остался последний из них. Но я чувствую его далекую силу. Он там. И ты найдешь его. Смотри.

Марквентор обернулся и поднял руку. Повинуясь этому

властному движению, тяжелый гобелен за тронем медленно свернулся, поднимаясь к высоким сводам. За гобеленом открылось настенное мозаичное панно с изображением карты Хаккадора и запредельных земель, выполненное искусными мастерами-камнерезами из драгоценных камней и металлов.

Снизу доверху извилистой змеей карту прочертила бирюзовая линия Реки Времени, берущая начало в далеких Затуманных горах. В середине карты мерцала сапфиром звезда Анвантара, окруженная тонким рубиновым кольцом Великой Радуги, окаймляющей границы Державы Мира – Хаккадора. За радугой во все стороны раскинулись малахитами, нефритами, да сердоликами просторы Дикого Безлюдья, а за ними к северу темным селенитом сумрачно мерцали земли мауронгов, харсов и харцереров. Верх карты раскинулся глубокой синевой лазурита. Здесь Река Времени обрела свой покой в Океане Вечности. Помимо нее в Океан впадали еще две крупные реки берущие свое начало в Неведомых Землях. Вся поверхность карты была покрыта синими прожилками малых рек, коими особо изобиловали северные земли. Людские поселения за пределами Хаккадора холодно мерцали вкраплениями в поверхность карты кристаллов черного кварца.

– Воин может быть здесь, – Марквентор направил указательный перст на один из крупнейших кристаллов. – Ты пойдешь вначале туда.

– В Варангу? В стольный город Мауронгов? Ты доверя-

есть мне выйти во внешний мир, мой господин? Это великая честь.

– Да, ты пойдешь во внешний мир. Я открою тебе путь.

– Когда?

– Немедленно. Ты готов выйти в заповедь?

– Да, господин, – ни на миг не колеблясь ответил Негваль.

– Хорошо, – удовлетворенно произнес Марквентор. – У тебя есть чутье на кровь Воинов жизни. Ты можешь чувствовать их на расстоянии. Ты можешь определять их по взгляду. Ты отправишься в Хантагу, если не найдешь Воина в Варанге. Ты найдешь Воина и приведешь его сюда в Хаккадор. И помни – надо успеть к третьему полнолуннию от сей ночи, ибо в то время шесть планет восстанут в ряд за ночным светилом, и небесная сила снизойдет на Землю.

– Не сомневайся во мне, господин. Я найду того, в ком течет кровь Воина Жизни, – уверенно заявил Негваль. – Мои силы велики. Но что мне делать, если Воин не пожелает следовать за мною по доброй воле? Убить его и взять его силу себе? Я готов сам принести жертву и войти в историю Хаккадора, как...

– Ценю твое благое и честолюбивое устремление, Негваль, – прервал его Марквентор.. – Но смесь силы боевого мага и Воина жизни может не дать должного результата. Сделай все, что в твоих силах, чтобы доставить Воина в Хаккадор живым. Убийство – это крайний шаг.

– Я доставлю его в Хаккадор, – уверенно заявил Негваль

– Хорошо, – кивнул Марквентор. – Я открою тебе путь, а ты сам найдешь порталы перемещения в паутине силы земной. В тех местах они кроются среди древних камней и руин. А теперь отойди на центр зала.

– Слушаюсь, – Негваль склонив голову, медленно отступил назад на три десятка шагов.

Марквентор достал из складок плаща кинжал и направил его острие на Негваля. В тот же миг вокруг мага на полу по широкому кольцу вспыхнул багровый огонь.

– Свершись, – произнес Марквентор голосом, вгоняющим в дрожь.

Из острия кинжала вырвался огненный луч. Он ударил Негваля в грудь и тот приподнялся в воздухе на пару локтей.

– Откройся! – прохрипел Марквентор.

Древние знамена всколыхнул ветер. Драконы, грифоны и тигры на них зашевелились, будто живые.

– Сила против силы! Да откроется путь! Да будет так. Небо и Земля... Огонь и вода...

Слова Марквентора эхом разносились в пространстве зала. Блики багрового света от огненного кольца плясали по стенам.

– Свершись!

Кольцо огня разорвалось брешью.

– Иди!

Тело Негваля поглотила ослепительная вспышка и через мгновение потухла.

– Свершилось, – прошептал Марквентор.

Негваль исчез. Языки огня на разорванном кольце медленно затухали, и вскоре Тронный зал вновь погрузился в полумрак, едва разгоняемый тусклым светом факелов.

– Свершилось, – повторил Марквентор и вернулся на трон. Усталость сковала его руки и налила свинцовой тяжестью лоб. Он вновь закрыл глаза.

Факелы догорали. Но чрез окна уже виднелась едва заметная полоска утренней зари и темный силуэт Дерева Жизни. Наступал новый день.

Глава 2

ПОРОЖДЕНИЯ НОЧИ

Война это не только храбрость и сила, но и путь обмана. Лучший путь меча – путь введения противника в заблуждение. Обманутый враг открыт для смертельного удара. Запомни это. Так говорил великий Мауронг.

* * *

Восточная граница Империи мауронгов. Пять тысяч триста семнадцать путей Небесного огня от начала Хаккадора. Двадцатый день девятой Луны.

Сумрак медленно сгущался, осторожно и тихо накидывая на засыпающую землю покрывало ночи. Но тишина обманчива. Серый филин, таящийся в глубине кроны одинокого дерева на берегу реки, бесшумно сорвался с ветки и тенью заметался над водой. Что испугнуло ночную птицу? Как только она укрылась в расселине береговых скал, густой туман на опушке леса встревожено за клубился. Из его серой пелены темным призраком проявился всадник.

Он остановил коня на взгорке и, покинув седло, мягкой поступью спустился к воде. Речной галечник не хрустнул под

его ногой. Прислушался к тишине, внимательно всмотрелся в противоположный берег и будто зверь, выслеживающий добычу, втянул ноздрями сырой вечерний воздух.

Крадучись несет свои воды широкая река Сегир. Волной не плеснет. Там за рекой земли народа, именующего себя харсы. Богатые земли. Трава сочная. Реки, полны рыбы. Много золота. Но земли эти охраняются крепким войском.

Всадник наклонился и зачерпнул ладонью воду.

– Здравствуй дух реки, – тихо промолвил он. – Я воин мауронгов Тайлуг. Придет время, ты пропустишь нас, и наши хугатоны перейдут на тот берег. Там нас ждет враг. Я чую его. Мы победим и пойдем дальше до самого края Мира Изменений.

Поток воды потревожился плеском крупной рыбы. Подул ветер, разгоняя туман. По реке побежала беспокойная зыбь. Нетерпеливо застучал копытом по земле конь. Тайлуг резко выпрямился, в три прыжка преодолел крутой склон, вскочил в седло, и конь широким галопом понес его вдоль берега, разбрызгивая подковами камни. Обезд сторожевых башен, что высились окрест, завершился. Тайлуг время от времени самолично в одиночку наведывался с проверкой к их подножию, дабы убедиться, что стражи не спят и несут службу достойно воинам Империи. От бдительности стражей зависела безопасность пограничного города Монтигур. С приближением врага на башнях зажигался огонь.

За излучиной реки в сумраке на скале проявился силуэт

последней из шести башен. Конь всхрапнул и по узкой тропе вознес Тайлуга к ее подножию.

– Встречать кронгетальпа!* – раздался зычный возглас, и врата башни незамедлительно распахнулись. Двое стражей проворно выскочили из них, хватая коня под уздцы. Тайлуг спешился.

– Слава Империи! – стражи почтительно склонили головы.

– Слава, – кивнул Тайлуг. – Где Хатон?

– Я здесь, господин! – прогремел из темноты ворот голос, и навстречу Тайлугу вышел крупный широкоплечий воин. – Изволь доложить тебе.

– Докладывай.

– Здесь все спокойно, мой господин, но..., – Хатон на миг замешкался и бросил взгляд за реку.

– Что, но? – серые глаза Тайлуга превратились в узкие холодные лезвия.

– Прошлой ночью на том берегу в холмах костры замечены.

– Почему сразу не послал гонца в город?

Хатон снял шлем и задумчиво почесал лохматый затылок.

– Говори! – Тайлуг пронзил его острым взглядом.

– Так ведь маловато было огней для вражеского войска.

Мало ли там кто шастает. Может охотники.

– Может и охотники, – кивнул Тайлуг. – А может и войско многотысячное. А столь мало костров жгут, чтобы нашу

бдительность усыпить. Может такое быть?

– Может, – согласился Хатон, отводя взгляд в сторону.

– Обо всем подозрительном докладывать немедленно, – жестко произнес Тайлуг. – Службу нести зорко! Во славу Мауронга!

– Во славу! – в один голос отозвались стражники.

Тайлуг вернулся в седло, пришпорил коня, и тот резво помчал его через лес. Ночь уже успела опуститься на землю. Свет луны путался в кронах деревьев. Пахло влажной землей и гниением. Упрямые деревья-стражи в игольчатых шубах теснились друг к другу, их корявые ветви сплетались в плотный навес над головой, а уродливые корни выползали из-под земли. Здесь царило глубокое молчание, и властвовал таинственный сумрак.

Едва заметная глазу тропа стелилась под копытами коня, увертывалась от стволов деревьев, взбегала на взгорки, поросшие пожухлым осенним папоротником, сползала в заваленные сучьями лощины. Она вывела всадника на дорогу. Прохладный ветер хлынул в лицо, взметнул длинные черные волосы, перехваченные через лоб серой лентой, и заставил прищурить, устремленные сквозь темноту, глаза.

Откуда-то издали донеслось хриплое рычание саблезубой кошки. Хищник вышел на ночную охоту.

Здесь северные леса были не столь богаты разным зверьем, как южные окраины Империи, но все же живность кое-

какая водилась, причем зачастую для людей опасная. Серые медведи, черные волки, пятнистые северные львы нередко встречались в этих местах. Кроме того некоторые очевидцы сказывали, что видали лунными ночами, как звездное небо прочерчивает силуэт летящего грифона, а иные утверждали что им довелось даже сразиться с ним и гордо показывали на теле своем шрамы от ударов тяжелого клюва чудовища.

Тайлуг не верил всем этим рассказням.

Конь продолжал мчать его дальше. Лес закончился. По сторонам дороги потянулись, залитые лунным светом пустынные, заросшие редким кустарником, поля. Вдали справа в ночном небе растворялись размытые силуэты скалистых холмов. За ними прятались холодные пещеры.

Конь вознес Тайлуга на взгорок, и вдали показались огни факелов на двух высоких каменных башнях. Меж ними прятались прочные городские ворота. Ранее все укрепления города были бревенчатыми. Тайлуг по прибытии в Монтигур в качестве командующего гарнизоном задумал возвести вместо старых деревянных преград для врага мощные каменные стены высотой в тридцать локтей и задействовал на строительных работах часть воинов хугатона. Но работы двигались медленно. Двух сотен рабов в каменоломнях явно не хватало, чтобы в достаточной мере обеспечить стройку камнем. Тайлуг неоднократно обращался с донесением к вожаку Империи с просьбой о выделении из государственной казны денежных средств для покупки трехсот крепких рабов

на невольничьем рынке в Зукабаре. Но все его обращения оставались без ответа.

Так проходил год за годом.

Стройка продолжалась. До начала этой зимы Тайлуг надеялся закончить ее. Незавершенным оставался южный участок стены на протяжении сотни шагов, где еще сохранился остаток старых укреплений.

Тайлуг приблизился к воротам, и копыта лошади застучали по толстым деревянным плахам подъемного моста, что перекинулся через глубокий ров. По завершении стройки он заполнится водой. Ворота были закрыты на ночь, как того требовал свод правил приграничных форпостов. Увидев Тайлуга, стражники незамедлительно распахнули перед ним тяжелые створы, обитые толстыми листами меди.

За воротами подковы лошади высекли искры из камней мостовой на главной городской улице, стиснутой с обеих сторон плотной застройкой из одно или двухэтажных бревенчатых домов с маленькими оконцами более похожими на крепостные амбразуры. Во избежание распространения пожара, группы по десять – пятнадцать домов разделялись каменными стенами. На улице этой проживали в основном ремесленники и торговцы. Они снабжали гарнизон города всем необходимым для несения воинской службы.

Луна скрылась за облаками, и темнота едва разбавлялась тусклым светом из окон.

– Опасность! Опасность! – внезапно разнесся вдоль пу-

стынной улицы истошный вопль. Конь под Тайлугом шараялся в сторону. Прямо к нему под копыта метнулся человек в лохмотьях.

Тайлуг осадил захрапевшего коня.

Человек рванулся далее по улице.

– Ураган близится! Змея заползет в твой дом! – снова завопил он.

– Эй, сумасшедший! Тебе пора спать! – крикнул Тайлуг ему вслед. В ответ раздался звон колокольчика.

Человека в лохмотьях звали Зун. Среди жителей города он слыл умалишенным отшельником. Его хижина пряталась в лесу неподалеку от городских стен. Никто не знал доподлинно его прошлого. Поговаривали, что некогда давно, он был доблестным воином, но в одной из битв получил удар боевым молотом по голове. С того самого времени Зун начал слышать голоса и двинулся рассудком. Впрочем, это были только слухи.

Зун любил рассказывать древние легенды. Он приходил в город, садился зачастую прямо посреди улицы на землю и, размахивая руками, начинал жаркое повествование о древних магах, страшных чудовищах и неведомых странах.

Люди при этом старательно обходили его стороной. Никто не желал слушать сумасшедшего, и лишь иногда вокруг него собиралась кучка детей, чтобы скоротать время, да позабыться над умалишенным.

Каждый вечер Зун, прежде чем успокоиться на ночь, ша-

тался по Монтигуру. Так он нес свою боевую стражу, звоня в колокольчик. Но ранее он никогда так истошно не вопил. По всему видать – разум его еще более помрачился.

Силуэт сумасшедшего исчез в темноте, и Тайлуг направил коня далее к центру города, где располагался воинский гарнизон. Здесь по периметру широкой площади, что именовалась Ареной Возмездия располагались дома командного состава хугатона Грифон. За ними ближе к западной стене плотно теснились воинские казармы, арсенал, склад боевой амуниции, баня и лекарская.

Обстановка в домах командного состава отличалась аскетизмом. По Закону Мауронга солдат Империи не должен иметь привязанности к материальным вещам, а довольствоваться самым малым, что необходимо для жизни. Служба в армии была обязательной для всех мужчин. Мальчишки обучались воинскому искусству с ранних лет и приходили в войска уже подготовленными бойцами, где за три года в полной мере познавали Путь крови. Если они не погибали на этом пути, то покидали его закаленными воинами, готовыми вновь взять в руки клинок, дабы хладнокровно рассечь горло врагу или же вспороть ему брюхо. Оружие по призыву приходилось брать в руки часто. Империя постоянно воевала.

Особо отличившимся воинам предлагалась служба по договору. Она хорошо оплачивалась. Такое предложение в свое время получил Тайлуг, будучи отмеченный в доблести еще

во время своей первой битвы. Его дальнейший Путь крови был покрыт трупами врагов Империи, по которым он взошел до командующего хугатонем и получил назначение в Монтигур. Вскоре клинку Тайлуга довелось вновь испить кровь врагов, когда десятитысячное войско харсов пыталось под покровом ночи ворваться в город.

Харсы захлебнулись своей же кровью.

С того времени под стенами Монтигура воцарилось долгое затишье. Но звериная интуиция Тайлуга подсказывала ему, что это затишье перед большой бурей.

Конь доставил Тайлуга на Арену Возмездия. В этот поздний час здесь было безлюдно. Гражданских лиц из ремесленников и торговцев сюда ночью не пускали стражи. Рядовым солдатам, кроме ночных караульных, в это время полагалось спать в казармах. Командный состав в своих домах тоже предавался отдыху после дневных тягот военной службы. В светлое время суток все без исключения бойцы гарнизона не сидели без дела, оттачивая воинское мастерство в упорных тренировках.

Тайлуг натянул поводья возле одного из домов. Врата в его высокой каменной ограде незамедлительно распахнулись, и двое рабов подхватили коня под уздцы. Ранее в этом доме проживал кронгетальп Адаульф. Он пошел на повышение, будучи назначенный на должность наместника Восточных земель, а Тайлуг в свою очередь занял его место. С тех пор каждый вечер во дворе дома Тайлуга встречала его жена

Агни вместе с сыном Зероном.

– Отец! Ты обещал мне новый меч! – заявил сын, в упор глядя на родителя. Зерону едва исполнилось тринадцать путей Небесного огня. Детей мауронгов приучали к оружию, с колыбельного возраста, давая им в качестве игрушек при-
тупленные кинжалы и ножи. Технике владения мечом обучали с первых шагов.

– Новый меч надо заслужить, – ответил Тайлуг, покидая седло. – Завтра у тебя бои. Ты уже дважды одерживал победы на состязаниях молодых воинов среди своих одногодков. Одержишь верх в третий раз, и я подарю тебе один из своих мечей.

Глаза Зерона жадно вспыхнули.

– Один из тех клинков, которые купались в крови врагов и вобрали в себя их силу?

– Да, – кивнул Тайлуг. – Я подарю тебе один из этих клинков. С ним ты вырастешь настоящим воином.

– С этим клинком я стану вожаком Империи, – уверенно заявил Зерон.

– Прежде всего тебе надо будет еще много и настойчиво трудиться в постижении воинского мастерства. Ты же знаешь, кто становится вожаком.

По закону великого Мауронга вожаком Империи мог стать только самый лучший боец. Этот закон назывался «Закон зверя». Раз в пять лет воины Империи, желающие заполучить высшую власть, сходились в поединках на бойцов-

ском турнире. Бились до первой крови, а бывало и до смерти. Лучший из них бился с вожаком насмерть. Одержавший верх в этом бою становился вожаком Империи на следующие пять лет.

Иноземные властители согласно Закону зверя могли вызвать вожака Империи на смертельный поединок в любое время. Но еще никто и никогда из них не решался на такой шаг, ибо знали, что вожак защищен от своего внешнего врага силой величайшего из магов.

– Я буду лучшим из лучших, – упрямо произнес Зерон.

– Будешь. Обязательно будешь, – вмешалась в разговор Агни. – А теперь ступай. Дай отцу отдохнуть.

– Клянись, что не обманешь меня! – не отставал от отца Зерон, следуя за ним.

– Я никогда не обманываю друзей, – Тайлуг остановился на пороге дома и потрепал сына по затылку. – А ты мой самый лучший друг.

– Ясное дело! – согласился Зерон. – Друзей обмануть – себя не уважать. Но враг заслуживает обмана, на то он и враг. Ведь так?

– Конечно! Врагов необходимо обманывать! Враг того заслуживает! – охотно поддержал сына Тайлуг. – Война это не только храбрость и сила, но и путь обмана. Лучший путь меча это путь введения противника в заблуждение. Обманутый враг открыт для смертельного удара. Запомни это.

– Я запомню, – серьезно произнес Зерон.

– Не сомневаюсь, что ты все запомнишь. А теперь иди. Помоги слугам напоить и накормить моего коня.

После столь содержательной беседы с сыном Тайлуг молча улыбнулся жене и прошел в оружейный зал. Стены его были сплошь увешаны оружием поверженных врагов. Все эти военные трофеи достались Тайлугу в кровавых сражениях. Мечи, сабли, короткие тяжелые тесаки и широкие топоры дышали холодом смерти. Лезвия их не раз проводили черту, разделяющую Мир Изменений с небытием Дхора. Подойдя к одному из клинков, Тайлуг снял его со стены и провел пальцами по лезвию, ощутив при этом опасность, исходящую неизвестно откуда. Это чувство проявлялось у него уже который день. На Пути крови Тайлуг научился чувствовать опасность интуитивно, но на этот раз опытный воин не мог определить, откуда она исходит. Он обвел взглядом стены, затем вернул клинок на место, снял с себя защитный панцирь из тройной кожи черного единорога и закрепил его на подставке. С мечом расставаться не стал. Оружие он всегда держал при себе, готовый применить его в любой миг.

Этот меч Тайлуг унаследовал от отца. Мечу было уже за триста лет, но на его темном лезвии не было ни одной зазубрины и оно не затупилось о клинки, броню и кости врагов с того далекого дня, когда великий мастер-заклинатель выпустил его из рук. За черный цвет стали меч имел собственное имя и звался Темный Луч.

Выйдя, из оружейного зала Тайлуг прошел в трапезную,

где рабами был накрыт стол для ужина. Здесь его ждала Агни.

– Чем ты озабочен в последнее время? – спросила она мужа.

– Я всегда в заботах, – усмехнулся Тайлуг, совершая омоложение рук в чаше с водой.

– За своими заботами ты забыл, что сегодня день твоего проявления в Мире Изменений.

Тайлуг стряхнул воду с рук.

– И, правда. Забыл. Долго жить буду.

Он сел за стол напротив жены, налил в серебряный кубок красного вина и пригубил.

– Я хочу тебе..., – произнесла Агни, но не успела завершить фразу. Скрипнула дверь и в трапезную, низко склонив голову, осторожно вошел смотритель дома по имени Сирт.

– Прости мой господин, что нарушаю твой покой, – произнес он шепотом. – Но мне приказано доложить тебе, что в твой дом прибыл сам наместник Восточных земель господин Адаульф.

Тайлуг удивленно вскинул брови. Казалось, Адаульф забыл о существовании Монтигура с тех самых пор, как получил высокую должность наместника и покинул этот город. Что заставило его преодолеть расстояние в целый день пути и прибыть в столь поздний час?

** Кронгетальп – командир хугатон*

Глава 3

ПРИКАЗ

Тайлуг хотел было приказать Сирту, чтобы тот проводил Адаульфа в дом, но гость сам появился на входе в трапезную.

– Мой дорогой друг! – раскинув руки в стороны и расплывшись в широкой улыбке, громогласно воскликнул Адаульф, после того как протиснулся крепким телом во входную дверь. – Как же я рад видеть тебя!

Тайлуг вышел из-за стола навстречу гостю и почувствовал на своих плечах его тяжелые ручки.

– Рад! Очень рад! – еще раз произнес Адаульф прежде чем выпустить Тайлуга из своих объятий, после чего с учтивым поклоном приблизился к Агни.

– Рад лицезреть и прекрасную хозяйку этого дома.

– Когда-то он был ваш, господин наместник, – произнесла Агни в ответ. – Очень жаль, что с тех пор вы не посещали его. Прошу вас к столу.

– Не откажусь, – Адаульф окунул руки в чашу для омовения, вытер ладони о штаны и уселся за стол.

Агни разлила вино по кубкам и сославшись на неотложные дела по дому, удалилась из трапезной, оставив мужчин наедине. Она понимала, что наместник прибыл для реше-

ния важных вопросов, и ее присутствие при столь серьезной встрече не желательно.

– За встречу, – произнес Тайлуг, поднимая кубок.

– О, да! – кивнул Адаульф и залпом выпил вино.

Серьезный разговор он начал не сразу и поначалу завел речь о былых битвах, о дорогах пройденных вместе с Тайлугом, не забывая при этом активно пережевывать пищу и запивать ее вином. Тайлуг молча кивал, отчетливо понимая, что Адаульф прибыл к нему не для того, чтобы вспоминать прошлые времена.

– У меня никогда не было более надежного друга, чем ты, Тайлуг, – торжественно произнес Адаульф. – Я обязан тебе жизнью. Выпьем же за нашу дружбу.

После того как кубки в очередной раз были осушены до дна, за столом воцарилась на некоторое время гнетущая тишина, разбавляемая потрескиванием огней факелов.

Позволь узнать о цели твоего визита, наместник, – первым нарушил молчание Тайлуг. – Каковы его причины?

– Причин несколько, мой дорогой друг, – мрачно произнес наместник. – Одна из них радостная. Хочу тебе сообщить, что наши доблестные войска сокрушили армию данерийцев и возвращаются с победой! Западные границы Империи расширились.

– Рад за наших воинов! – с гордостью произнес Тайлуг. – Честь им и хвала! Жаль, что я не с ними. Отсиживаюсь который год тут в тиши за крепостной стеной, а руки чешутся

без настоящего дела. Наши воины одержали великую победу. Но почему ты сообщил о ней столь безрадостно?

– Да, мой друг, безрадостно, – кивнул Адаульф. – Причина для того есть и она омрачает радость победы. Наш вожак Шивас покинул нас и ушел в иной мир.

– Вожак мертв? – Тайлуг недоверчиво просверлил Адаульфа взглядом. – Быть такого не может! Сила великого Мауронга всегда хранила вожака в битве.

– Дело в том, что наш вожак погиб не в битве, а после нее, – жадно сгрызая жареное мясо с кости, произнес Адаульф. – Воины, видевшие смерть вожака, утверждают, что он был поражен стрелой Создателя во время пира в честь великой победы.

– Молнией? – удивленно спросил Тайлуг.

– Да, – Адаульф вытер ладонью сальные губы. – А еще воины, утверждают, что видели в грозовой туче гневный лик Создателя.

– Сочиняют, – нахмурившись обронил Тайлуг.

– Может и сочиняют, – согласился Адаульф, сыто отрывая. – Но как бы то ни было, а вожак мертв, и верховный жрец Храма Мауронга почтенный Заук теперь представляет собою по закону высшее властное лицо Империи до выбора нового вожака. Им же назначен день начала поединков за власть. Они начнутся ровно через сорок пять дней в столице Империи. Не желаешь на этот раз принять в них участие?

– Нет, – мотнул головой Тайлуг. – Власть не привлекает меня. Я просто воин.

– И это правильно! – Адаульф хлопнул Тайлуга по плечу. – Я не желал бы встретиться со своим лучшим другом в смертельном поединке, а ты мой лучший друг.

– Смертельном поединке? – переспросил Тайлуг. – Ты намерен биться за высшую власть?

– Еще как намерен, – самодовольно выпятил квадратную челюсть Адаульф. – Настал мой черед. Я чувствую в себе силу и опрокину любого, кто встанет на моем пути.

– Тогда я хочу пожелать тебе крепости руки и точности удара твоего клинка. Пью до дна за твою удачу.

– За удачу! – согласился Адаульф, опрокинул кубок себе в рот, поставил его на стол, сурово взглянул на Тайлуга и вновь заговорил после короткого молчания:

– Теперь к основной причине, которая подвигла меня незамедлительно прибыть в Монтигур. Говоришь, что засиделся ты тут за стенами? Рвешься в бой? Могу тебя обрадовать. Войско харсов движется к границам Империи. По всему эти шакалы пронюхали, что наша Империя обезглавлена смертью вожака, а наши основные силы далеко. Харсы надеются захватить столицу. Они идут на Варангу.

– Я задержу их на стенах Монтигура! – решительно заявил Тайлуг.

– Нападения на твой город не будет по сведениям лазутчиков, – уверенно произнес Адаульф. – Враги пересекут грани-

ду с Империей намного южнее Монтигура и двинутся на равнины через ущелье Зум. Четыре резервных хугатона под командованием бестархгетальпа* Амона, в спешном порядке уже вышли навстречу им. Но этих сил мало!

При этих словах, Адаульф вскочил из-за стола и нервно прошелся по трапезной. Снова уселся за стол. Плеснул в кубок вина и выпил за один присест, не переводя дыхания, вытер губы рукавом, затем, сунув ладонь под нагрудный панцирь, вынул свернутый в трубку пергамент и положил на стол перед Тайлугом.

– Это приказ верховного жреца, – хрипло произнес он. – Ты со своим хугатоном должен быть в долине сухой реки Крон через два дня. Не позднее. Ты успеешь, если выступишь завтра утром.

Тайлуг развернул пергамент. В нем за личной подписью верховного жреца Храма Мауронга почтенного Заука предписывалось кронгетальпу Тайлугу незамедлительно выступить с хугатоном в долину реки Крон.

Прочитав несколько раз текст документа от начала до конца, Тайлуг отложил пергамент в сторону. Лицо его выражало недоумение.

– Не понимаю, – мотнул головой он. – Если я выступлю с хугатоном – город останется без защиты. У города не достроены укрепления, и ты это знаешь. И жрец знает про старую гнилую стену. Я неоднократно просил прислать рабов у вожака и Совета жрецов. Или денег на их...

– Приказы не обсуждаются! – жестко прервал его Адаульф. – Тебе сказано – враг не нападет на Монтигур. Главная задача – это защита столицы, а ты тут со своей гнилой стеной. Харсы идут на Варангу. Так доносят лазутчики.

– Я не верю лазутчикам, – мрачно произнес Тайлуг. – Я никому не верю! Нельзя оставлять город без защиты с полуразрушенным укреплением. Там даже рва нет!

– В городе есть резервисты. Объяви мобилизацию, как это предписывает приказ, – властно произнес Адаульф.

– Какие резервисты! Резервистов едва наберется три с небольшим сотни. Они не сдержат врага на гнилой деревянной стене, – возразил Тайлуг.

– Согласен, – кивнул Адаульф. – У меня есть две хуги. Я немедленно пошлю гонца с приказом. Через два дня хуги будут здесь. Надеюсь, теперь ты доволен?!

Тайлуг гневно взглянул на гостя.

– Два дня?! Целых два дня город будет без защиты! Это невозможно!

– Адаульф резко подался всем телом через стол. Его глаза при этом налились кровью, а губы медленно зашевелились исторгая свистящий шепот:

– Тайлуг, друг мой. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Не испытывай более моего терпения. Будь на твоём месте другой – его давно бы за непослушание приказам главнокомандующего, как бешенную собаку, вздернули на веревке. А его воины уже сейчас во весь опор мчались бы к реке Крон.

Резервисты же несли бы свою стражу на той самой твоей гнилой стене. Не гневи верховного жреца и меня тоже.

Наступила тягостная тишина.

– Я выполню приказ, – мрачно произнес Тайлуг после долгого молчания. Глаза его при этом метнули молнии. – Приказ высшего лица Империи для меня закон. Но я считаю необходимым направить донесение в столицу обо всем происходящем уже сейчас. Боевой свод правил великого Мауронга позволяет мне поступить именно так. Ты же, если мы с тобой все еще друзья, пошлешь своего гонца незамедлительно. Твои хуги должны быть здесь. Нутром чую – каждый миг времени дорог. Если не согласен, можешь вздернуть меня, как бешеную собаку.

– Согласен! – неожиданно расплылся в довольной улыбке Адаульф. – Ты принял правильное решение. Здоровое! Отсылай гонца и завтра же поутру выступай с хугатом к месту назначения. Я же немедленно посылаю своего гонца, дабы мои хуги были здесь уже скоро. Тайлуг, я все еще твой друг, готовый сделать для тебя все. А друзья должны доверять друг другу. Ты же веришь мне?

Тайлугу пришли на ум слова великого Мауронга о доверии, утверждавшем, что вера и обман ходят рядом, как сестра и брат. Истинному воину для победы нет нужды доверять – достаточно знать, предполагать и надеяться. Знающего обмануть невозможно. Так говорил Мауронг, и также думал Тайлуг. Вслух же он произнес:

– Я не знаю, как будет дальше, но я надеюсь на тебя, Адаульф.

– Ну, вот и славно, – произнес наместник, поднимаясь из-за стола. – Договорились. Я, пожалуй, отдыхать пойду. Завтра с рассветом возвращаюсь. Да и тебе не мешает набраться сил перед походом. Куда мне пройти для отдыха? Устал я. Прикажи проводить меня в покои.

Тайлуг хлопнул в ладоши. В дверях незамедлительно появился Сирт.

– Проводи господина наместника в комнату для гостей. Сделай так, чтобы он ни в чем не нуждался. Его стражу размести в казарме.

– Слушаюсь, мой господин.

Адаульф направился на выход.

– Гонца не забудь послать, – произнес ему уже в спину Тайлуг.

Факелы догорали, и трапезная медленно погружалась в темноту, как и весь заснувший дом. Глубоко задумавшись, Тайлуг не услышал легких шагов Агни. Жена подошла к нему сзади и положила ладони ему на плечи.

– Ты подкрадываешься, как лазутчик. Почему ты все еще не спишь? – спросил Тайлуг.

– Без тебя и твоего плеча сон не идет ко мне, – прошептала Агни. – Этот Адаульф принес неприятные вести?

Тайлуг усадил жену себе на колени

– Нормальные вести, – улыбнулся он, перебирая кончика-

ми пальцев длинные волосы жены, цвета солнечных лучей. – Наше войско одержало победу над данерийцами.

– Одержало победу? – Агни пылливо посмотрела на мужа. – Странно. В твоих глазах я не вижу радости.

– Да. Радости мало. Вожак Империи убит.

– Ты шутишь?

– Если Адаульф не шутит, то и я не шучу. Он принес эту весть.

– Но как? Как мог быть убит тот, кого хранит Мауронг?

– Вожак убит молнией.

– Молнией? Мне это не нравится, – прошептала Агни. – Это плохо. Очень плохо. Небеса разгневались на нашу Империю. Но, я чувствую, что это еще не все вести, что принес с собою Адаульф. Что еще?

– Да. Ты чувствуешь верно. Мой клинок скоро будет в деле, – ответил Тайлуг. – Армия харсов приближается к границам Империи.

– Война – твоя вторая жена, – невесело улыбнулась Агни. – Будем готовиться к обороне города? Я надеюсь, что мой кинжал поможет нам победить.

– Не хотелось мне, чтобы в мое отсутствие он пригодился, – мрачно произнес Тайлуг.

– В твое отсутствие? Ты покидаешь нас?

– Завтра утром я уйду с хугатоном на юго-запад. Это приказ верховного жреца.

– Надолго?

– Разобьем харсов, и я вернусь.

– Что-то здесь не так, – задумчиво промолвила Агни и хищно прищурила глаза.

– Что не так? – настороженно спросил Талуг.

– Все не так. Не нравится мне этот Адаульф. Он мне всегда не нравился.

– Еще бы он тебе нравился, – ухмыльнулся Тайлуг. – Я бы тогда зарезал тебя вместе с ним.

– Мне самой его хочется зарезать. Он помешал мне, явившись не во время.

– Помешал в чем?

– Помешал сделать тебе подарок. Закрой глаза.

Тайлуг послушно опустил веки и ощутил тепло, на правом мизинце. Открыв глаза, он увидел на пальце перстень с большим, черным камнем, согретый руками Агни.

– Это мой подарок ко дню твоего проявления в Мире Изменений, – пояснила она. – Ровно тридцать пять путей прошел Небесный огонь с того дня как ты проявился здесь.

– Перстень красив и необычен, одновременно, – восхищенно произнёс Тайлуг, рассматривая подарок. – Камень черен, как сама ночь.

– Он черный, как сама вечность, – пояснила Агни. – Но если ты посмотришь в его глубину, то увидишь там огонь. Это мой огонь. Он будет помогать тебе всегда и везде, где бы ты ни был.

* * *

Тусклый чадающий огонь единственного факела, сдавленный темнотой, едва освещал гостевую комнату.

– Ты все понял? – потревожил тишину свистящий шепот.

– Да, господин наместник. Все будет сделано. Гонец не дойдет до Варанги. Мы перехватим его возле Бездонных топей.

– Он должен сгинуть там без следа. Смотри не оплошай.

– Я никогда тебя не подводил, мой господин. Не подведу и в этот раз.

– Иди немедленно.

Темнота в комнате колыхнулась, и черный сгусток сгорбленной человеческой фигуры выскользнул за дверь.

** Бестархгетальн – командир кронготона. Кронготон – боевое подразделение армии мауронгов из двух и более хугатонов.*

Глава 4

БИТВА В ДОЛИНЕ КРОН

С рассветом весь хугатон выстроился на широком поле перед городскими воротами. Прохладный ветер лениво колыхал над головами воинов боевые стяги. Изредка слышалось ржание лошадей, да бряцанье оружия. Возле ворот толпились жители города. В их глазах читалось удивление и беспокойство. Никогда еще боевой гарнизон не покидал в полном составе городских стен.

Сумасшедший Зун шатался перед рядами воинов.

– Враг идет! Враг идет! – время от времени громко вопил он. – Темные дни наступают!

– Пошел вон! Не каркай! Замолчи! – покрикивали на него бойцы.

Зун замолкал, звоня в колокольчик, но уже вскоре его хриплый тревожный голос снова нарушал утреннюю тишину.

Беспокойно было на сердце у Тайлуга. Он оставлял здесь самое дорогое, что имел в жизни. Выйдя за порог дома в полном боевом облачении, он оглянулся. Агни и Зерон вышли следом за ним.

– Отец, возьми меня в битву, – решительно произнес Зе-

рон.

– Не могу, – возразил Тайлуг. – Кто-то должен защищать дом. Ты его будешь защищать

– Я буду защищать дом, – согласился с такими весомыми доводами Зерон, – Но мне нужен один из твоих мечей, который пил кровь врагов. Жаль, что отменили состязания. Отец, дай мне меч, который ты обещал. Клянусь. Я одержу верх в первых же состязаниях.

– Хорошо, – согласился Тайлуг. Он вернулся в дом и, отперев дверь в оружейный зал, снял со стены короткий клинок для тесной рукопашной схватки. Выйдя из дома, Тайлуг протянул клинок сыну.

– Держи. Он твой.

Зерон гордо вскинул голову и принял оружие.

– Защищай дом, береги мать, – произнес Тайлуг, после чего молча обнял Агни, вскочил на коня и пустил его в широкий галоп, туда, где за городскими стенами на широком поле его ждал, готовый к марш-броску, хугатон.

* * *

Густые темные леса остались далеко за спинами воинов хугатона. По сторонам пути тянулись голые каменистые холмы с редким чахлым кустарником. За ними слева в мутной дымке одиноко возвышался далекий Игольчатый пик – нагромождение острых скал, собранных в одну вершину.

На его крутых склонах среди каменистых обвалов зацепился осенний снег. Издали эта гора напоминала великана в плаще с капюшоном, присевшего отдохнуть и застывшего навечно.

Справа, ломая линию горизонта, проступали смутные очертания причудливых серых гор. В их обветренных склонах, бедно одетых редкими горбатыми деревьями, да засохшими кустами, путались острые как лезвия северные снежные вихри.

К вечеру второго дня пути Тайлуг, будучи в головных рядах хугатона, заметил на вершине одного из холмов одинокую фигуру. Вскоре впереди на дороге показался встречный отряд из десятка конников.

«Матерый волк Амон, как всегда предусмотрителен, – отметил про себя Тайлуг. – Его сторожевые псы исправно рыщут окрест».

– Слава Мауронгу! – услышал он приветственный возглас.

– Слава! – Тайлуг приложил кулак к груди.

– Бестархгетальп ждет тебя в командном шатре. Срочно, – почему-то негромко, сообщил один из конных воинов, приблизившись вплотную к Тайлугу. Тот кивнул, прищпорил коня, заставляя его прибавить ходу.

Вскоре послышался отдаленный гул от тысяч людских голосов, звона оружия и ржания лошадей. За скальной грядой открылась широкая долина, заполненная войсками. Хугатон спустился в нее.

– Разбить лагерь, – приказал Тайлуг и направился в ко-

мандный шатер.

Командующий объединенными хугатонами бестархгетальп Амон встретил его сдержанно. Ограничился скупым кивком. Склонившись над картой, он хмуро сообщил, что лазутчики доносят о скором приближении харсов.

– У них под сорок тысяч против наших двадцати пяти, – промолвил Амон. – Но не это волнует меня. Мы в силах положить их и меньшим количеством. Беспокоит иное.

При этих словах Амон внезапно поднял голову от карты и устремил тревожный взгляд на Тайлуга.

– Есть сведения, что среди нашего командного состава затесался предатель. Это змея продалась харсам и доносит о каждом нашем шаге врагу. Тебя же, Тайлуг, я знаю давно, как доблестного воина, которому можно доверять. Подойди ближе. Оценим ситуацию вместе и спланируем наши действия.

* * *

Утренний туман медленно таял, открывая боевые порядки мауронгов. Построенные в две линии они перекрыли самое узкое место долины, упираясь флангами в ее крутые скалистые склоны. Перед мауронгами на расстоянии примерно двух тысяч шагов лениво шевелились темные толпы харсов.

«Выжидают крысы. По всему полагают, что хугатоны выйдут на широкое поле, – отметил Тайлуг. – Пусть себе ждут.

Время работает на нас.»

Вчера вечером он получил от бестархгетальпа Амона тайный приказ.

– Под покровом ночи поднимешь хугатон и тайно займешь позицию вот за этими скалами по левому склону долины, – произнес Амон, ткнув пальцем в карту, – Все должны поверить, что ты самовольно покинул поле боя. Пусть змея, затесавшаяся среди нас, донесёт врагу, что мы ослаблены. Вступишь в сражение в самый трудный час.

– В трудный час? – переспросил Тайлуг. – Это как? А если этот час не наступит, и мауронги без меня сломают врага. Что тогда? В глазах всего воинства я стану предателем и трусом?!

Возможно, что мы переломим хребет этим тварям и без тебя, – согласился Амон. – Если наша армия начнет их давить, ты зайдешь им в тыл и отрежешь путь к их отступлению. Мы окружим харсов и перебьем их всех до единого, и в том будет твоя немалая заслуга. Согласен?

Тайлуг согласился.

Ночью хугатон Грифон оставил лагерь. Затаившись за холмами, воины дождались утра. Тайлуг под страхом смерти запретил бойцам шуметь и подниматься на вершины, а сам занял удобную наблюдательную позицию среди скалистых выступов.

Харсы не трогались с места, надеясь, что мауронги будут атаковать первыми, и оголят свои фланги под удары конни-

цы. Но матерый вояка Амон не спешил.

Время шло. Все выше поднимался Небесный огонь над горизонтом, но враги выжидали. Ближе к полудню подул ветер. Из-за дальней горной гряды, что преграждала путь к северным болотам, где обитали темные духи, показались черные грозовые тучи. Они медленно клубились, разрываясь змеями молний. Небеса раскололись раскатами грома.

В стане врага наметилось оживление. Надвигающийся дождь явно не радовал харсов. На размокшей земле их конница могла завязнуть в грязи и потерять ударную силу. Вся масса войск врага, не теряя времени, пришла в движение и подалась вперед.

В центре своего войска харсы выстроили клин, направленный острием на мауронгов. По краям и во главе клина за высокими щитами шли закованные в броню копейщики. Под их прикрытием в глубине строя прятались меченосцы с короткими тяжелыми тесаками и небольшими круглыми щитами. Они вступали в бой, если внешние ряды клина разрывались противником. За клином вытянулась во фронт вторая линия пехоты. Конница прикрывала фланги.

Первая линия мауронгов встречала врага сплошным сомкнутым построением из двух хугатонов с глубиной в двадцать рядов воинов. В первых пяти рядах за высокими прямоугольными щитами под тяжелыми прочными доспехами стояли копьеносцы, готовые первыми принять на себя удар врага. За ними сжимали ладонями топоры и мечи рубщики.

В тылу у пехотинцев таилась конница, готовая в любой момент закрыть брешь в строю или же прикрыть фланги. Перед хугатонами растянулись в линию несколько сот лучников.

Пехота харсов остановилась в пяти сотнях шагов от хугатонов. Первыми мауронгов атаковали конники. Они пронеслись перед их строем, стреляя из луков на полном скаку. Мауронги прикрывались сомкнутыми щитами. Их лучники не оставались в долгу. Спрятавшись за щиты копьеносцев, они посылали в сторону врагов жалящие стрелы.

Вскоре первая проба сил закончилась. Конники харсов вновь отошли к флангам. С обеих сторон пало несколько десятков воинов, пронзенных стрелами.

Взревели боевые трубы, и клин харсов двинулся на центр мауронгов.

– Аррах! Аррах! – послышался боевой клич, издаваемый тысячами вражеских глоток.

– Харра! – понесся над полем боя ответный рык мауронгов.

Чтобы не сломать строй, клин харсов приближался медленно, ошестинившись длинными копьями. Тем временем в первой линии мауронгов поднялся черный сигнальный стяг, и две хуги из второй линии, подчиняясь этой безмолвной команде, немедленно выдвинулись вперед, усиливая центр войска.

Лучники мауронгов посылали в клин сотни стрел, но ощутимого урона харсам не наносили. Их воины прикрывались

крепкими щитами.

Острие клина харсов врубилось в построение мауронгов. Долину накрыл шум, похожий на голос прибоя океанских волн. Крики воинов, лязг стали, ржание лошадей слились воедино. Клин врага медленно, подобно гигантскому клыку, вгрызался в строй мауронгов, разрывая их шеренги, но постепенно завяз и потерял ударную силу. Острие его смялось, и раскрошилось, как сырая глина на мелкие группы бойцов.

Меж тем вторая линия пехоты харсов, разделившись надвое, обогнула клин и обрушилась на края первой линии мауронгов, вынудив их медленно податься назад. В лобовой атаке при равных силах преимущество всегда было за мауронгами, но теперь на десять тысяч воинов Империи навалились разом более тридцати тысяч врагов. Линия мауронгов все более прогибалась под их натиском, и наступил момент, когда она разорвалась будто плотина под неудержимым напором паводковых вод. Харсы хлынули в прорыв, но там их встретила вторая линия войск. Гулко забили боевые барабаны, и два резервных хугатона в плотном боевом порядке, медленно двинулись вперед. Первая линия отойдя за вторую, разделилась и, перестроившись во фланги, не позволяла врагам обойти хугатоны. Несмотря на численное превосходство, харсы в лобовой атаке ничего не могли сделать с плотными построениями мауронгов. Вся масса их войск колыхалась бестолково, будто мутная весенняя вода в запруде.

Пошел дождь, мелкий, морозящий и холодный, накрывая

картину сражения мутной завесой.

Мауронги постепенно выровняли линию своих войск. Некоторое время битва шла на равных, но вскоре после полудня армия харсов медленно подалась вспять по всему фронту.

Тайлуг уже было хотел послать хугатон в бой, но остановился, почуяв неладное. Войско врага продолжало медленный, но вместе с тем организованный отход, и в нем не было признаков поражения. Мауронги продолжали наступать, при этом их боевые порядки нарушились, а фланги открылись. Битва переместилась из узкого участка долины на открытое пространство.

Тайлуг ощутил, что это ещё далеко не конец сражения, и у врага есть в запасе силы.

Он не ошибся. Вскоре послышался рев трубы, и с дальнего края долины, из узкого ущелья, огибая правый фланг мауронгов, вырвалась конная лавина харсов. Она врубилась с тыла в ряды хугатонов. Одновременно харсы перешли в наступление с основного фронта. Войско мауронгов попало в окружение.

Тайлуг решил, что отсиживаться за холмами более нельзя. Он, вскочил в седло, выхватил меч, взмахнул им в воздухе, подавая сигнал к наступлению, и первым направил коня на харсов. За Тайлугом незамедлительно ринулись пятьсот всадников хугатона. Следом за ними молча пошла пехота.

Конники Тайлуга ударили в правый фланг харсов.

– Харраа! – разнесся над битвой яростный боевой клич.

Меч Тайлуга скользнул по щиту вражеского всадника. Тот ловко извернулся, и в свою очередь ударил тяжелым топором. Тайлуг отразил удар, отпустил поводья, выхватил левой рукой из-за спины чекан и с широкого замаха всадил его острие в шлем противника. У того на глаза из-под шлема хлынула темная кровь. Тайлуг рванул оружие на себя. Шлем слетел с головы харса, а сам он назад откинулся, но остался в седле будучи мертвым.

Тайлуг направил коня в самую гущу схватки. Много врагов вокруг. Секутся они тяжелыми длинными клинками. Тяжело рубятся. Но всадники Тайлуга увертливы. Падают с обеих сторон воины, кони храпят. Тесно, жарко. Запах крови и пота ноздри пробивает. Упорная битва, злая.

Удар вражеского копья сразил коня под Тайлугом. Коварные харсы зачастую поражали лошадей, опасаясь всадников. Перелетев через голову сраженного коня, Тайлуг приземлился на ноги и продолжил бой пешим. Уклонился от удара топора, рассекая мечом живот нападавшего харса, затылком почувствовал опасность и ударил, не глядя наотмашь чеканом за спину, почувствовав при этом, как сталь поразила плоть. Отражая тяжелый удар палицы, скрестил меч и чекан, а затем не медля, полоснул клинком по глотке противника.

Удар, отражение, уход, поворот в смертельном танце. Снова удар и кровь врага на клинке.

На подмогу конникам подоспели пешие воины хугатона.

Тайлуг тем временем сошелся в схватке с тяжелым пехотинцем харсов. Тот яростно с пеной на губах грыз край круглого щита и размахивал увесистым топором. Глаза харса были налиты кровью, как у бешеного быка. Вокруг него лежал с десятков мауронгов, поверженных им.

– Аррах, – захрипел харс. Он несколько раз взмахнул топором, как перышком, заставив Тайлуга отступить на пару шагов, а затем ринулся на него.

Тайлуг отразил пару атак, ушел с разворотом, атаковал косым ударом меча по среднему уровню с переходом на верхний и ощутил, что этот здоровенный детина не только силен, как носорог, но обладает молниеносной реакцией и кошачьей быстротой в движениях. Он ловко отбивал удары, быстро перехватывал рукоять топора при тесной схватке ближе к лезвию, орудовал щитом, норовя его ребром нанести поражающий удар и не забывая при этом отмахиваться от других мауронгов.

Круговерть боя на миг унесла Тайлуга в сторону от этого опасного бойца, а затем свела вновь.

– Кронгетальп! – прорычал харс, брызгая пеной. – Я украшу твоей отрубленной головой свой зад!

– Член ты себе отрубишь, – усмехнулся Тайлуг.

Харс яростно зарычал, плашмя грохнул топором по щиту и ринулся вперед. Удары его топора были тяжелы, Тайлуг предпочитал уклоняться от них, нежели встречать напрямую мечом, сам при этом всякий раз пытаюсь поразить против-

ника.

Харс бился ловко. Техника его боя была отточена до мелочей, но вместе с тем однообразна. Он наносил вертикальный крушащий удар топором, а затем следовал молниеносный отбив ребром щита. Топор возвращался по косо́й линии и вновь наносил удар, но уже по горизонтали. Этот прием харс применял раз за разом, но не забывал при этом изредка разбавлять его иными увертками и финтами.

Тайлуг атакуя всякий раз, сталкивался с непробиваемой защитой и едва успевал отражать молниеносные удары. Он решил сменить тактику боя и при очередной атаке харса, не стал отбивать топор, а поднырнув под него, ударил чеканом в правый бок врага. Результат не замедлил быть. Острие чекана пробило толстый кожаный панцирь и вошло в тело. Харс взвыл зверем. Тайлуг, выдернув чекан, уклонился от топора и полоснул мечом по правой ноге противника. Темный Луч рассек вражескую плоть выше колена. Обильно хлынула кровь.

Харс взвыл волком и прихрамывая, затоптался на месте, яростно размахивая топором. Он вновь атаковал, но не так быстро, как ранее, да и удары его были не столь сильны и уверены. Удар. Отражение. Снова удар. Тайлуг встретил оружие противника мечом, увел его в сторону и поразил харса чеканом прямым в шею. Тот захрипел, пуская ртом кровавую пену. Тайлуг рванул чекан на себя, испарывая харсу горло и более не глядя на поверженного врага ринулся в гущу боя

на подмогу своим соратникам.

Пока он бился в поединке, чаша весов в сражении успела склониться на сторону мауронгов. Конница врага еще продолжала свои атаки с тыла, но хугатон Грифон расчленил боевые порядки харсов на их правом фланге. Поначалу отдельными частями, а вскоре и всей массой харсы ринулись вспять.

Хлынул ливень, смывая с Тайлуга кровь врагов. Преследуя их, он оторвался от своих воинов. Его остановил протяжный и пронзительный звук трубы. Тайлуг обвел тяжелым взглядом поле сражения, где грязь от дождя смешивалась с кровью. Усталые бойцы вытирали окровавленные клинки о мокрую траву. Над полем вновь раздался звук боевой трубы. То был не звук победы. Труба возвещала о гибели кого-то из командного состава войска.

– Бестархгетальп Амон убит! – разнеслось над полем.

– Велика же цена этой победы, – огорченно произнес Тайлуг, – Светлого пути тебе в Дхор, Амон и скорого возвращения в Мир Изменений. По дороге вечности мы еще встретимся на перекрестках миров.

Глава 5

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Далеко за горизонтом растаяли дымь погребальных костров, возносящих к небу пепел павших в битве воинов.

Хугатон Грифон спешно возвращался в Монтигур. Бойцы понимали – надо торопиться в город, оставленный ими без защиты, и на последний отрезок пути вышли затемно, не дождавсь утра. Благо небо было безоблачным, и ущербная луна освещала дорогу.

Путь близился к завершению. Мысли Тайлуга стремились к дому. Что делает сейчас Агни? Наверное, спит. А может в тревоге ждет его на крыльце? Он улыбнулся. Захотелось ощутить кончиками пальцев тепло щеки своей жены. Заметил, как на мизинце в свете луны блеснул черный камень перстня. В его прозрачной глубине вспыхнула искорка и тут же угасла, подобно маленькой падающей звездочке в ночном небе. Тревога закралась в сердце Тайлуга. Он прищпорил коня. Хугатон вслед за своим командиром прибавил шаг.

Дорога шла на подъем. Отдаленные вершины туполобых холмов проявились в едва заметной, размытой полосе багрового света, напоминающей собой утреннюю зарю. Но время

утра еще не наступило. Тайлуг невольно подался всем телом вперед. Его взор был прикован к зареву, которое разгоралось все ярче.

Беспокойный ропот побежал по рядам воинов. Тайлуг, охваченный недобрым предчувствием, окровавил шпорами бока коня.

В воздухе запахло гарью.

«Так не должно быть!!!» – молнией ударила Тайлуга страшная мысль. То, что открылось ему вскоре, потрясло его. С возвышенности он увидел свой город, и этот город был в огне. Длинные языки кроваво-красного пламени лизали темное небо.

Ряды воинов, наполнились яростными криками. Не дожидаясь команды, они неудержимым потоком ринулись в город.

Тайлуг не помнил, как оказался возле дома. В памяти остались огонь, кровь и мертвые тела на улицах, и его дом, не тронутый этим огненным вихрем.

Конь вздыбился перед разбитыми воротами, шархнул в сторону, скидывая всадника.

Тайлуг вбежал во двор. У входа в дом на крыльце, залитый кровью лежал смотритель покоев Сирт. Он был еще жив.

– Господин, прости, – прохрипел Сирт. – Не уберег я госпожу. Харс пронзил ее мечом. А твой сын дрался как львенок. Его похитили.

– Кто? Кто напал на город?!

Сирт тяжело захрипел, пытаясь еще, что-то сказать, но смерть сковала его уста.

Тайлуг безумным взглядом скользнул вокруг себя и увидел нескольких своих солдат возле ворот.

– Это были бойцы Криона, – произнес один из них. – Этой ночью они ворвались в город через деревянную стену. Стена сгорела. Командир, там сотни обугленных тел! Никого нельзя узнать.

– А хуги? Где хуги, что обещал прислать Адаульф? Где они?! – яростно вскричал Тайлуг.

Воины молчали.

– Адаульф. Змея подколотная!

Он выбежал за ворота и вскочил на коня.

– Что нам делать, командир? – обратился к Тайлугу гетальп первой хуги Стикс.

– Ищите живых. Тушите пожары, – приказал Тайлуг. – Возлагаю на тебя командование хугатомом. А мне надо встретиться кое с кем.

– Он рванул поводья, и конь понес его к воротам города.

* * *

Железная решетка темницы с лязгом отворилась. Огонь факела ударил по отвыкшим от света глазам.

– Выходи! – услышал Тайлуг оклик стражника и поднялся на ноги с холодного каменного пола, звеня цепью на скован-

ных руках.

Четверо стражников повели его по темным коридорам имперской тюрьмы. Тускло чадили редкие факелы в скобах на сырых стенах. Пахло плесенью и гнилым деревом.

Имперская тюрьма пряталась в подземелье под Храмом крови. Так издревле называлось величественное, овальное в плане мрачное сооружение с трибунами, вмещающими пятьдесят тысяч зрителей и ареной для жертвенных боев. На арене по празднествам дрались Обреченные на смерть. Так в народе прозвали бойцов, проливающих кровь и умирающих на потеху зрителей. Воины эти были из рабов. Многие из них бились достойно, пользовались почетом в народе и, одерживая победу за победой над противниками, оставались в живых долгие годы. Но на каждого сильного есть свой сильнейший, и наступал миг, когда какой-то любимец публики, герой смертельных боев падал, поверженный на песок арены.

Мертвецов сбрасывали с крутого берега в поток Реки Времени. Так завершалось жертвоприношение духу великого Мауронга.

Кроме Обреченных на смерть на арене Храма крови бились за меч вожака Империи лучшие бойцы, возжелавшие заполучить высшую власть. Заключительный и смертельный бой проходил на Холме поединков, что располагался за городской стеной на берегу Реки Времени.

Храм крови возвышался в центре столицы посреди широ-

кой площади, именуемой Сердце дракона. Храм обступали по квадратному периметру площади главные здания города – Дворец высшей власти, башня Небесного спокойствия, Храм Мауронга и Храм воинской славы. От площади, на четыре стороны к четырем городским воротам в крепостных стенах и далее за них пролегали широкие и прямые, как стрелы главные улицы столицы. На трех из них в пределах крепостных стен селились ремесленники, купцы, располагались рынки, склады товаров и постоянные дворы. За пределами стен обитала беднота. Четвертая улица, пронизывающая город на запад и уходящая за его пределы через Врата Воинской доблести к Холму поединков именовалась Копье Создателя. Эта улица была вымощена черным мрамором и застроена домами высшей имперской знати. На ней в дни великих празднеств проходили торжественные воинские парады и триумфальные шествия хугатонов после победы над врагом.

Было время, и Тайлуг участвовал в этих шествиях. Но поток Реки Времени коварен и непредсказуем. Даже умеющих хорошо плавать в нем он нередко разбивает об острые камни препятствий, и дни побед сменяется горечью поражений. Настало время горечи для Тайлуга.

Стража ввела его в большой зал со сводчатым потолком. Это был Чертог высших приговоров. Здесь на медных треножниках горели масляные светильники. В углу Чертога подобно крысе затаился сторбленный писарь. За широким столом, накрытым пурпурным бархатом восседали трое судей

в черных мантиях.

Высший суд в Империи вершили жрецы. На главном престоле, собранном из костей горного дракона восседал верховный жрец Империи Заук. Справа от него на престоле из красного гранита расположился жрец Храма крови – хранитель высшей справедливости жрец Та-Зам. Левый от Заука престол из черного оникса занимал хранитель черепа Мауронга жрец Зоар.

Стражники прикрепили конец цепи, что сковывала руки Тайлуга к железному кольцу в полу и отступили на пару шагов. Наступила тишина. Все трое жрецов в упор разглядывали Тайлуга. Та-Зам пренебрежительно, оттопырив нижнюю губу, Зоар мрачно исподлобья, а Заук сохранял на своем худощавом лице ледяное безучастное спокойствие.

Тайлуг в свою очередь молча смотрел на жрецов, скользя взглядом по их лицам.

– Кронгетальп Тайлуг, ты обвиняешься в преступлении, – произнес Заук после долгого молчания, сверля Тайлуга холодом своих глаз. – Ты готов нам поведать о своих преступных деяниях и признать свою вину?

– Да, – незамедлительно ответил Тайлуг.

– Да? – Заук вскинул брови, изобразив на лице притворное удивление, – Ты признаешься в своей вине полностью?

– Да, – снова незамедлительно заявил Тайлуг. Я виновен в том, что понадеялся на мерзавца Адаульфа. Он обещал прислать на защиту города две хуги. Я виновен в том, что

выполнил твой безумный приказ, оставляющий город без защиты. Ты знал, что у нас слабые недостроенные укрепления.

– Как смеешь ты столь дерзко разговаривать с достопочтенным верховным жрецом! – возмущенно подал голос Та-зам. – Ты хочешь сказать, что он виновен в разрушении города?

– Спокойно, достопочтенный Та-Зам, – Заук недобро усмехнулся. – Столь дерзкие речи этого преступника лишь подтверждают, то, что он безумен в своем деянии. Ты перебил охрану наместника, Тайлуг. Не ты ли безумен?

– Я не безумен! Адаульф коварно обманул меня и заранее покинул свой дом, зная, что расплата не замедлит настичь его. Обман соратника это одно из гнуснейших преступлений по Закону Мауронга!

– Адаульф обманул тебя? – снова нарочито удивленно поднял брови Заук. – Странно. Адаульф утверждает обратное. Ты его обманул.

– Я обманул? В чем? В чем я обманул его?

– Здесь мы задаем вопросы! – жестко произнес Заук. – Распорядитель! Зачитай обвинительное заключение!

Сумрак в одном из углов Чертога шевельнулся, отделяя от себя темную человеческую фигуру в длинном балахоне с пергаментным свитком в руке. Человек развернул свиток и его зычный голос громко разнесся под каменными сводами.

Первым делом Тайлуг обвинялся в казнокрадстве и рас-

трате огромной суммы денег, выделенных ему на постройку городской стены. Далее согласно обвинению Тайлуг ложно доложил наместнику Адаульфу о полном завершении строительства укреплений, чем ввел в заблуждение высший командный состав Империи.

При получении приказа о выдвижении своего хугатона к месту битвы продолжал скрывать свое гнусное преступление и, надеясь, что все ему сойдет с рук, оставил город с тысячами беззащитных жителей на разграбление и уничтожение врага.

Мало того свои подлые преступные деяния он продолжил на поле боя, под покровом ночи тайно покинув лагерь вместе со своим хугатоном.

Тайлуг слушал обвинение, теряя реальность происходящего. Ему казалось, что он видит дурной сон. Голос распорядителя доносился до него будто из другого мира, а все вокруг теряло четкие очертания, покрываясь туманной мутью.

– Подсудимый! Что ты скажешь на это обвинение? – вернул его к реальности вопрос верховного жреца.

– Бред, – мотнул головой Тайлуг. – Все это бред. Ложь. Я не присваивал денег.

Заук запустил руку под мантию и явил пред Тайлугом пергамент.

– Это твоя расписка. По ней ты получил от Адаульфа тысячу золотых монет имперской чеканки.

– Моя расписка? Нет! Это подделка!

– Подделка? Разве? А что ты скажешь на это? – Заук достал из-под полы мантии маленький шелковый мешочек с рисунком имперского герба на пурпурной ткани, протянул руку и высыпал из него стол, блеснувшие холодным светом, тяжёлые золотые монеты.

– Что это? – спросил Тайлуг.

– Эти деньги. Их нашли в потаённом месте твоего дома. Здесь только тридцать имперских монет, – Заук скривился в ухмылке. – Где же остальные деньги, что вожак выделил тебе еще год назад на постройку городской стены?

– Я не знаю, что это за монеты. Я не получал денег, – возразил Тайлуг.

– Достопочтенный верховный жрец, – осторожно вмешался в ход суда Зоар. – Мы всегда знали Тайлуга, как доблестного воина, преданного Империи. Обвинение выдвигается ему чрезвычайно серьёзное. Я бы лично хотел услышать в подтверждение обвинения показания свидетеля Адаульфа.

– Адаульфа? – переспросил Заук. – Это можно. Адаульф здесь. Стража! Введите свидетеля!

Из темноты коридора послышались шаги, и в Чертог в сопровождении двух стражей вошел Адаульф. Тайлуга захлестнула ярость, и он невольно рванулся вперед, натягивая цепь. Адаульф отшатнулся.

– Говори, – приказал Заук.

– О, почтеннейший, я уже рассказывал всё. Зачем же повторяться?

– А ты ещё раз повтори, – настойчиво произнёс Заук, голосом, не терпящим возражений.

– Это он во всём виноват, – нагло и уверенно произнёс Адаульф. – Я сразу же, как приказал мне вожак, передал Тайлугу деньги на постройку стены и взял с него расписку. Она перед вами на столе, о, почтеннейшие и достойнейшие жрецы. Вы сами убедились в том, что на ней рука Тайлуга. Я передал деньги, и уже через четыре луны Тайлуг поведал мне, что стена построена, о чем я не замедлил сообщить вожаку и Совету жрецов. Я был уверен, что стена построена. Я же не знал, что он растратил золото. Я ему доверял, как другу. Когда же наступило время передать ему твой приказ, о, достопочтенный жрец, я самолично отвез его. Было темно. Я не видел всех стен. Я виновен, но виновен только в том, что своевременно, сам лично не проверил строительство городских укреплений. Я доверял ему, как своему другу, а он стал преступником, растратчиком имперской казны. Он оставил город без защиты. Негодяй! Подлая крыса! Из-за него погибли тысячи людей. Он во всем виноват. Враг ворвался в город через гнилые деревянные укрепления.

– Адаульф. Твой змеиный язык клеветает, – прошептал Тайлуг, чувствуя, как холодный каменный пол уходит у него из-под ног. Вместе с тем, он начинал понимать все. В одно мгновение он сообразил, почему наместник прибыл к нему лично, и как эти золотые монеты оказались в доме. Адаульф присвоил деньги имперской казны, но опасаясь за свою шку-

ру, решил, подсунул их малую часть Тайлугу, а разрушение Монтигура было на руку этому подонку. Вполне возможно, что этот мерзавец сам навел врага на город. Не зря бестархетальп Амон говорил о предателях.

«У меня никогда не было более надежного друга», – Тайлуга передернуло. Он вспомнил эти слова Адаульфа в ту злополучную ночь его приезда. Теперь этот мерзавец подло лжет.

– Это он во всём виноват, – снова повторил Адаульф.

– Твааарь! – Тайлуг кинулся было к Адаульфу, но крепкая цепь остановила его, и он беспомощно свалился на пол.

– Гнусная тварь, – процедил он уже негромко и брезгливо сквозь зубы, поднимаясь на ноги.

– Ступай, Адаульф – удовлетворенно произнес Заук, и тот послушно удалился.

– Этого не может быть, – прошептал Тайлуг и мотнул головой, не веря в происходящее. – Адаульф подло лжет. Я не получал от него денег.

– А это? – Заук указал, на рассыпанные по столу, монеты. – Откуда в твоём доме эти деньги?

– Мне их подсунул Адаульф! Я не присваивал деньги казны! Кроме того я направил тебе своего гонца с донесением.

– Не было гонца! – решительно возразил Заук. – Не было никакого гонца! Ты растратил деньги имперской казны и не построил стену. Ты ввел в заблуждение вожака, Совет жрецов и наместника. По твоей вине разрушен город, погиб-

ли тысячи неповинных людей. Кроме того, в сговоре с харсами ты самовольно покинул поле сражения, но, заметив, что наша армия побеждает, для видимости вступил в битву.

– Я вступил в сговор с харсами?! – вырвался крик из груди Тайлуга, эхом разнёсшийся в темноте. При этом рука его машинально дернулась к рукояти меча, но встретила пустоту. – Ложь! Я подчинялся личному и тайному приказу бес-тархгетальпа Амона! Мой хугатон был в засаде!

– Не надо списывать свое предательство на великого воина героически погибшего в битве по твоей же вине, – презрительно скривившись, произнес Заук.

– Но я говорю правду!

– Кронгетальп Тайлуг! – жестко и громко произнёс Заук. – Ты обвиняешься в государственной измене и растрате средств имперской казны. Достопочтенные члены суда, у вас будут вопросы к обвиняемому?

– У меня есть вопрос, – поспешно и нетерпеливо произнес Та-Зам. – Преступник, скажи нам, где остальные деньги? Неужели ты успел пропить и прожрать столь великую сумму?

– Спроси это у Адаульфа, – гневно произнес Тайлуг. – Деньги у этого мерзавца.

– Испытание высшей болью скажет нам, куда ты укрыл золото, – ухмыльнулся Та-Зам.

– К сожалению Закон Мауронга запрещает применение пыток к лицам командного состава Империи, – разочарован-

но произнес Заук. – Но я надеюсь, что Тайлуг для смягчения своего приговора сам все расскажет.

Тайлуг мотнул головой.

– Мне не нужно смягчения приговора. Я не изменник и не брал деньги имперской казны.

– У меня более нет вопросов. Мне все ясно, – брезгливо скривив тонкие губы, произнес Та-Зам.

– Странно все же, – задумчиво промолвил Зоар. – Как мог столь преданный Империи воин стать изменником.

– Ничего странного нет. На самого доблестного и преданного воина, чтобы купить его имеется свое количество золота, – презрительно промолвил Та-Зам.

– Это верно, – согласился Зоар. – Да и факты все против Тайлуга.

– Факты говорят, что Тайлуг виновен и достоин смерти, – решительно заявил Заук.

– Достоин смерти, – согласился Та-зам.

– Достоин, – кивнул Зоар.

– Ты государственный изменник, Тайлуг. Ты предал интересы Империи и будешь повешен, – жестко произнес Заук.

– Достопочтенные, у меня есть предложение, – вкрадчиво произнес Та-Зам мерзко ухмыльнувшись. – Я предлагаю казнить этого негодяя в день открытия поединков за меч вожака Империи. В столицу соберется множество людей со всех краев наших земель. Пусть они увидят справедливое возмездие за гнуснейшее преступление в назидание многим.

– Хорошее предложение, – согласился Заук. – Итак, бывший кронгетальп Тайлуг, ты признан виновным в казнокрадстве и государственной измене. Ты будешь предан смерти прилюдно через повешение в день открытия поединков за меч вожака Империи. Стража! Уведите его!

Тайлуга повели обратно по коридору. Острые наконечники копий упирались в его спину. Он не чувствовал их. Существовавший ранее мир, знакомый, привычный, справедливый в его понимании мир, в котором он испытывал радость и боль, веселье и печаль, надеялся и верил, словно иллюзорная картинка, разорвался на мелкие обрывки, уносимые безжалостным, холодным ветром. За картинкой той распахнула свои объятия темная бездна.

– Адаульф. Адаульф. Я убью тебя. Я приду за тобой из мира мертвых, – едва слышно шептал он.

В темнице его левую руку примкнули цепью к железной скобе на стене. Ржавая решетка с лязгом затворилась за ним, и его глаза погрузились в полную темноту. Он уселся на пол и прислонился затылком к холодным камням, испытывая бесконечную злость на самого себя.

– Как я мог? – произнес он, ударив себя кулаком по лбу. – Как мог так ослепнуть и не увидеть очевидного, не разглядеть в этих поросячьих бегающих глазках Адаульфа гнусного и подлого замысла?

В бессильной ярости он вскочил с холодного пола. Цепь, державшая его, безжалостно зазвенела.

– Глупец, – прошептал Тайлуг в темноту. Волна его справедливого гнева, ударившись о стены темницы, отхлынула назад и канула в мрачную холодную пустоту.

Глава 6

ХРАМ ТЬМЫ

К юго-востоку от Варанги земля широкой равниной уходила вдаль до Зубастых гор. Равнину пересекала главная Имперская дорога, ведущая к далеким южным границам. До них было более десяти дней конного пути. За границами расстилалось Дикое безлюдье с непроходимыми лесами и топкими болотами.

В стороне от Имперской дороги неподалеку от Варанги среди густого леса затаился, подобно мрачному гнезду хищной птицы древний замок. Стены его поросли сырым мхом, а башни пронзились трещинами. К замку приближался всадник на сером коне. Это был Адаульф.

В замке обитала жрица Храма жезла Мауронга по имени Сигилла. Еще несколько лет назад Адаульф частенько заглядывал к ней для любовных утех, но после своего назначения наместником Восточных земель их встречи стали редки. Пару дней назад Адаульф посетил жрицу после долгой разлуки, чему она была рада. Но Адаульф встретился со своей любовницей не только для удовлетворения своих плотских желаний.

Близилась ночь. Красное золото Небесного огня еще тле-

ло над зубчаткой леса. Размытая тень надвратной башни серым призраком перекинулась через ров с водой.

Копыта лошади застучали по мосту. Стражник почтено склонил голову перед всадником, открывая ворота.

– Госпожа ждет вас, – сообщил за воротами второй стражник, принимая поводья.

Адаульф молча кивнул с таким выражением достоинства на лице, какому мог бы позавидовать любой небожитель, покинул седло и шагнул на высокие ступени пред входом в обитель жрицы.

Он был более чем доволен сегодняшним днем. Будучи в суде над Тайлугом Адаульф втайне опасался, что истина вскрыется. Но все прошло без сучка и задоринки. Поддельная расписка и тридцать монет имперской чеканки, которые Адаульф подкинул в дом Тайлуга, сыграли решающую роль, а гонца, посланного Тайлугом в столицу, убили по дороге люди Адаульфа.

Не в силах более сдерживать торжествующей ухмылки, он вошел в парадную дверь чертога жрицы. Здесь воздух насквозь пропах благовониями, огненной травой, сладким пустырником и подлунным папоротником. Адаульф поднялся по гранитной лестнице вдоль витража, где мозаика из цветного стекла изображала гибель миров. В черных железных фонарях, развешанных на стене, горело ароматное масло.

За лестницей открылся просторный зал, наполненный трофеями давно ушедших в мир иной бывших хозяев этих

чертогов. В роду жрицы были великие воины, и каждый из них внес свой достойный вклад в убранство замка.

Древние доспехи поверженных врагов холодно блестели в тусклом свете факелов. Полированные черепа драконов, слепыми глазницами смотрели со стен на проходящего мимо гостя.

Адаульф пересек зал в направлении арочной двери, увитой каменными побегамии скального плюща. Полотно двери легко подалось под его рукой, и он проник в спальню своей любовницы. Стены спальни, сплошь затянутые гобеленами, изображающими красочные пейзажи с водопадами, горами, деревьями и сказочными птицами создавали иллюзию бесконечного пространства. На медных треножниках, стоящих по углам спальни, горели факелы. За высокими сводчатыми окнами густела ночь.

В спальне всегда было теплее, чем в остальных помещениях замка. Здесь редко горел очаг. Горячая вода из естественных подземных источников, будто кровь в теле человеческого тела текла внутри толстых каменных стен, наполняя их теплом.

Сигилла встретила Адаульфа, раскинувшись на широком ложе, искусно вырезанном из черного дерева и устланном темно-синим атласным покрывалом. Синевя ткани подчеркивала фиалковый цвет глаз жрицы. Полупрозрачный шелк прикрывал ее тело легким туманом. Сбоку от ложа на золоченом столике блестели два кубка с вином и кресло, изящ-

ное как скелет птицы.

– Мой доблестный воин, – сладостно произнесла Сигилла, проводя кончиками пальцев по длинной волне блестящих, как темное расплавленное серебро волос и потягиваясь будто кошка. – Я заждалась тебя. Мое тело тает в сладкой истоме. Я разрешаю тебе взять меня немедленно, как дикий зверь берет свою самку.

Адаульф присел на край ложа, грубо схватил жрицу за волосы подле затылка и притянул к себе.

– Я возьму тебя, как дикий зверь берет самку, – произнес он. – Но не сейчас. После. А сейчас дай мне, то, что обещала.

Жрица обмякла в грубом захвате Адаульфа, закрыв глаза.

– Хорошо, – прошептала она. – Я дам тебе обещанное. Но и ты обещай мне, что сделаешь меня верховной жрицей Империи, когда станешь вожаком.

– Я тебе уже это обещал, – произнес Адаульф.

– А ты еще раз скажи. Поклянись! Поклянись жизнью своей!

– Я буду вожаком Империи. И я клянусь жизнью своей, что ты станешь верховной жрицей, – стараясь придать голосу больше правдивости, произнес Адаульф, разжимая ладонь.

– Хорошо, – удовлетворенно произнесла Сигилла. – Я дам тебе то, то, что вознесет тебя выше, чем трон вожака Империи.

Она поднялась с ложа, набросила на плечи накидку из меха серебристой куницы, застегнула на ногах пряжки золо-

ченных сандалий, после чего неспешно подойдя к выходу из спальни, заперла дверь на крепкий засов и вернулась к Адаульфу.

– Идем, – она прихватила его за руку пальцами, усыпанными драгоценными перстнями и повлекла за собою к широкому гобелену с изображением двух грызущихся меж собою саблезубых кошек. Тяжелая древняя ткань под рукой жрицы сдвинулась в сторону, открывая взору стену из темных гранитных камней. Сигилла ладонью надавила на один из них. Послышался приглушенный гул, и часть стены шириною с дверной проем сдвинулась кверху на высоту человеческого роста. За ней зиял свод потайного хода, уводящий в черноту.

– Иди за мной, – приказала Сигилла и, выдернув факел из треножника, нырнула в темень. Адаульф беспрекословно последовал за ней, движимый любопытством, замешанным на удивлении. Он полагал, что изучил в свое время стены этого замка до мельчайших подробностей, как формы тела жрицы, но сюда ему еще не приходилось заглядывать.

В свете факела проявились крутые каменные ступени, ведущие вниз. Ход был узок и вел далеко в глубину подземья. Жрица уверенно продвигалась по нему, но Адаульф с его высоким ростом и широкими плечами за короткое время успел не раз ощутимо приложиться головой о каменную твердь.

– Что это за нора? – недовольно спросил он, потирая лоб

и чувствуя пальцами крупную шишку.

Жрица ничего не ответила. Меж тем спуск по ступеням завершился, и ход обрел горизонтальное направление. Дождало сыростью. Послышался шум. Давящая со всех сторон тесная каменная твердь закончилась внезапно. Свет факела вырвался на просторы и завяз в глубокой тьме, выхватывая собою лишь небольшой круг ровной скальной поверхности по которой бесшумно, как кошка передвигалась Сигилла. Адаульф следовал за ней, и звук его шагов долгим эхом разносился в темноте по пустотам подземелья. Оно было велико. Адаульф, озираясь окрест, пытался разглядеть его границы, но всякий раз проваливался взором в темноту.

Шум впереди заметно усилился, а вскоре в свете факела проявился и его источник. Это была глубокая пропасть, из которой доносился гул водного потока. Над пропастью клубился туман. Далее пути не было.

Над краем пропасти навис широкий, как трапезный стол камень с ровной и плоской верхней поверхностью. На камне тускло блестели старинной медью и серебром несколько разновеликих кубков. Меж ними затаился, отражаясь в гранях большого черного кристалла, узкий кинжал с костяной рукоятью в форме человеческого фаллоса. По сторонам камня высились два бронзовых треножника с масляными фонарями. Возле камня и треножников, произрастая из-за края пропасти, стелились по камням не то корни, не то побеги какого-то подземного растения, бледного как пальцы мертве-

ца.

– Пришли, – тихо промолвила Сигилла.

– Куда это мы пришли? – настороженно поинтересовался Адаульф, не переставая озираться.

– В мой храм, – ответила Сигилла. – Здесь мой истинный храм, дающий мне силу. Это Храм тьмы. Здесь мои древние предки вершили свои тайные обряды, обращаясь к величайшему источнику, творящему и забирающему миры. Этот источник – тьма. Из тьмы все изошло во тьму и вернется. Маг Мауронг, столь почитаемый в Империи не более чем малая букашка, былинка, пыль в сравнении с бесконечностью и величием тьмы. Я не жрица Храма жезла Мауронга. Я жрица великой тьмы. В ней сила бесконечная. Эта сила изменяет пространство и подчиняет людей.

Из тумана повеяло ледяным холодом. Жрица зажгла фонари на треножниках. Их красный свет отодвинул тьму, но, завязнув в тумане, так и не смог дотянуться своими зыбкими щупальцами до сводов огромной пещеры.

– Мда, – задумчиво промычал Адаульф. – Моя коварная хищница. Ты не перестаешь удивлять меня. Я слышал легенды о поклонниках тьмы, некогда давно обитавших здесь еще до прихода Мауронга и ушедших во мрак времени. Я слышал легенды об их подземельях.

– Это не легенды, – строго произнесла Сигилла. – Мы здесь были и будем всегда, как будет всегда великая тьма. Она поможет тебе, и ты станешь вожаком мауронгов. Ты сде-

лаешь меня верховной жрицей Империи. Мы разобьем харсов, а потом мы пойдем на великий Хаккадор.

– На Хаккадор? – недоверчиво спросил Адаульф. – Но Хаккадор окружен обращающимся огненным мечом. Тут да нет пути.

– Сила тьмы потушит меч, – убежденно произнесла Сигилла. – Мы пойдем на Хаккадор, захватим источник жизни и обретем жизнь вечную во власти над миром.

– Да, – охотно согласился Адаульф. – Но ты мне обещала эликсир, дающий силу сверхчеловека. Где он?

– Будет тебе эликсир, – Сигилла протянула Адаульфу факел. – Возьми огонь и отпрянь назад.

Адаульф послушно принял у Сигиллы факел и отошел от нее на несколько шагов.

– Стой там, – приказала Сигилла. – Смотри молча и не двигайся.

– Слушаюсь и повинуюсь, моя королева тьмы, – ухмыльнулся Адаульф.

Жрица вскинула руки.

– Мои великие предки. Все, чего я достигла ничтожно. Все, что я потеряла ничтожно. Ничтожно все, – прошелестел отчетливо тихий голос жрицы.

– Все..., все..., все..., – прошептало эхо.

– Моя цель – великая сила тьмы!

– Тьмыыы...

– Нет добра и зла. Есть только я, моя цель и моя свобода!

– Моя свобода... Свобода....

– Если надо – убей!

– Убей...

– Если надо – обмани!

– Обмани..., мани...

– Если надо – укради!

– Кради...

– Обмани так, чтобы обманутый был тебе благодарен!

– Благодарен...

– Пожертвуй всем ради еще большего!

– Пожертвуй.... жертвуй...

– Будь готов к смерти!

– Смерти... смерти... смерти...

– Будь готов к новой жизни.

– Жизни... жизни... жизни...

– Ищи тайного пути.

– Тайного...

– Мои великие предки, благословите меня на удачу, дайте мне силы древние изначальные первородные, направьте меня на путь великого предела. Пусть тот, кто стоит и будет стоять на моем пути, кто будет действовать вопреки моей воли, все те кого я знаю, кого не знаю, кого узнаю, идущие против меня сгинут во всепожирающей тьме. Ради моей великой цели я заклинаю на неудачи и поражения всех моих зримых и незримых противников. Да постигнут их беды. Да обратятся их противодействие против них самих. Да

будет так!

Жрица устало опустила руки и некоторое время стояла молча. Адаульф тоже не двигался с места, с недоверием наблюдая за всем этим действием.

Что дальше, дескать? Где эликсир силы?

– Дай! – громко произнесла жрица. – Великая тьма! Яви силу свою!

– Ююююю, – отозвалось долгое эхо, и туман над пропастью медленно закружился плавно, расплываясь в стороны и вверх. В этом призрачном холодном мареве постепенно проявились, зияющие бездонной чернотой множественные разрывы. Сливаясь меж собой, они постепенно обрели размытый контур гигантской фигуры человека в длинном до пят плаще с накинутым на голову капюшоном. Фигура медленно выдавливаясь из тумана и приближаясь, все более увеличивалась в размерах.

– Саант! – выдохнула жрица. – О, великий демон тьмы! Дай же силу свою во имя власти вечной ночи!

– Хааааар, – послышался утробный низкий звук, и плети растения, что стелились по скалам, зашевелились подобно змеям, вытягиваясь в сторону жрицы. Они оплели голени Сигиллы, медленно заползая выше под тонкий прозрачный халат и постепенно охватывая бедра.

– Да, – выдохнула жрица.

Побеги ползли выше, оплетая полностью ее тело.

– Да, – снова выдохнула жрица.

На черной фигуре в тумане проступил багровый огонь.

– Да! – громко выкрикнула Сигилла, обмякая, сгибаясь и падая на колени.

– Хаааар, – вновь раздался утробный низкий звук. Побеги медленно сползли с тела жрицы. Сигилла поднялась с колен, обернулась в сторону Адаульфа и протянула ему в раскрытой правой ладони что-то похожее на яблоко, но цветом черное, будто горный оникс.

– Возьми. Это плод великой тьмы. В нем эликсир силы. Он даст тебе быстроту и великую мощь для победы в поединках. Отведай его немедленно.

Черная фигура в тумане медленно таяла. Адаульф, завороженный всем увиденным действием, покорно взял черный плод и надкусил его. Плод тьмы был соленый, как кровь.

– Вкушай силу, – прошептала Сигилла. – Она возрастет к сроку поединков. Убивай соперников своих. Совершай омовение меча своего в их крови, и пусть он пьет их силу, а пред последним боем я заговорю клинок твой.

– А почему не сейчас? – спросил Адаульф, жадно впиваясь зубами в черный плод.

– Всеу свое время. Меч должен крови испить сильнейших воинов, прежде чем на него будет наложено заклятье, – пояснила жрица.

– Мой меч досыта напьется крови, – пообещал Адаульф.

– А теперь возьми меня, как дикий зверь берет самку, – выдохнула Сигилла, после того, как Адаульф проглотил плод

полностью и вытер ладонью его густой сок с губ.

– Возьми меня здесь, на алтаре Тьмы, – Сигилла, скинула с плеч меховую накидку.

– Воозьмии, – слышался из тумана протяжный шелестящий шепот, и волна темной силы прокатилась по телу Адаульфа.

* * *

С высоты облаков глаза черного беркута видели, как ветер колышет каждую травинку в широком поле. Внизу на земле рождались и умирали люди, сталкивались в смертельной схватке воины, рушились и уходили в небытие великие империи. Жизни человеческие падали каплями дождя в Океан Вечности. Но в небе ничто не менялось. Там плыли безразличные белые облака, грозовые тучи проливались на землю дождем, и медленно кружили хищные птицы.

Беркут кружил над Долиной царей, а где то далеко за горизонтом бушевал ураган, разбивая о скалистый берег бурные волны, шумели бескрайние леса, белая чайка коснулась воды крылом, сверкнул острый клинок, обрывая жизнь, и родилась новая, возвещая криком о своем появлении.

Над Долиной царей зависла тишина. В курганах спят вечным сном воины, некогда павшие в битвах на этих просторах, да в руинах развалин древнего поселения гуляет ветер.

Несколько дней назад двуногие человеческие твари рас-

пугали здесь всех диких обитателей. Тварей было много. Они понуро брели через долину, бряцая железом. Ветер разносил от них запах пота и крови. По всему видать этих тварей хорошо потрепали их же сородичи. Беркут не раз видел, как двуногие бились промеж собой, сходясь сотнями, а то и тысячами в смертельных схватках. После них оставалось много добычи для шакалов, ворон и прочих любителей падали.

Беркут сделал еще один круг, а тем временем из леса на простор степи выползла колонна вооруженных двуногих. В ней были как конники, так и пехотинцы. Множество лошадей тянули за собою десятки груженных повозок. За одной из них следовала группа пленников со связанными за спиною руками. Среди них было несколько детенышей двуногих. Один из них поднял голову, и взгляд птицы встретился с его глазами. Эти глаза были холодны. В них таилась бездна, какая таится во взгляде волков, саблезубых кошек и пещерных львов. Беркут качнул крыльями, огласил воздух клеточком, так, как бы он приветствовал своего брата по крови, круто снизился, пролетел над детенышем и вновь взмыл к небу.

Глава 7

ЖРЕЦ ХРАМА КРОВИ

В тесную тюремную камеру дневной свет едва проникал через маленькое зарешеченное оконце, размером с крепостную бойницу. Уже вскоре после своего заточения Тайлуг потерял ощущение потока времени. Он не помнил сколь дней и ночей прошло с того мига, как створы решетки сомкнулись за его спиной. Впрочем, его это и не интересовало. Движимый неудержимым желанием мести, Тайлуг был полон решимости во что бы то ни стало выбраться из застенков и убить подонка Адаульфа, причем убить медленно, так, чтобы этот негодяй пожалел, что родился. Тайлуг не желал умирать раньше, чем Адаульф, но желание это было за пределами возможного. Стены и решетки имперской тюрьмы отличались своей крепостью. Мало того, стражники приковали левую руку Тайлуга цепью к железной скобе, прочно заделанной в каменную стеновую кладку.

Безропотно и бездеятельно ждать казни Тайлуг не намеревался и вскоре по возвращению в тюремную камеру после суда попробовал скобу на прочность, несколько раз крепко дернув цепь. Скоба даже не дрогнула. Она, судя по всему, глубоко сидела меж массивных камней стены, а кладка самой

стены была выполнена со знанием дела на прочном известковом растворе, замешанном на каких-то тайных суспензиях, известных только мастерам-каменщикам.

Но вода камень точит. А в распоряжении Тайлуга была не вода, но кое-что получше. Это были стальные набойки на каблуках его сапог, выполненные по форме полумесяца. Перед заточением стражники сняли с Тайлуга боевые доспехи, а также изъяли все металлические предметы, включая пуговицы на кожаной куртке и нагрудный чеканный амулет кронгетальпа, изображающий оскаленную волчью морду. Даже перстень – подарок Агни содрали с мизинца. Но стражники упустили из виду набойки. Недолго думая, Тайлуг отодрал зубами одну из них, крепко зажал пальцами правой руки и приступил к работе. Он намеревался выкрошить известковый шов по периметру камня, после чего вытащить его из стены вместе со скобой, а далее дожидаться прихода тюремщика, приносившего ему ежедневно кислую баланду в деревянной миске.

Тюремщик всякий раз гадко насмеялся над Тайлугом, обзывая его изменником и предателем, достойным смерти вшивой собаки, но, не забывая при этом держаться от него на безопасном расстоянии.

– Скоро подохнешь, – ухмылялся тюремщик, злобно скалясь. – Подохнешь и будешь болтаться на виду у толпы на веревке, а потом вороны выклюют тебе глаза. Поделом тебе гадкий ворюга и предатель. Твоего сынка рано или поздно

тоже найдут и удавят, как шакала.

В багровом свете факела его физиономия была схожа с мордой крысы, выглядывающей из щели. Имя тюремщика было под стать его мерзкому облику. Тюремщика звали Харь.

Своими словами тюремщик заслужил смерти, и Тайлуг намеревался прикончить его без сожаления, а затем выбраться за решетку в коридор. Далее он убьет каждого, кто встанет на его пути к свободе.

Трудиться приходилось очень осторожно, чтобы не привлекать скрежетом металла о стену внимания стражников. Работа продвигалась крайне медленно. Известковый шов мало уступал по прочности камню. После того, как первая набойка истерлась более чем наполовину, настала очередь второй.

Меж тем физические силы Тайлуга таяли. От жидкой тюремной похлебки чувство голода только обострялось, а тухлая вода из бочки, что стояла в углу камеры, вызывала слабость и головокружение. При этом Тайлуг не раз ловил себя на мысли, что не прочь бы отведать сырого мяса крыс, что во множестве шныряли по полу камеры, но понимал, что рискует при этом подцепить смертельную заразу от грязных тварей и всякий раз останавливался от исполнения столь безумного желания.

Возвратившись каждый раз к реальности из короткого забытья, дающего немного сил, он незамедлительно принимал-

ся вновь за работу.

Старания Тайлуга не пропали даром, и наступил тот миг, когда под его руками камень едва заметно пошатнулся, как гнилой зуб. Силы многократно возросли в Тайлуге. С еще большим упорством он начал вгрызаться в стену остатками второй набойки.

* * *

Камень ощутимо шатался под руками. Тайлуг ненадолго прикрыл глаза, откинувшись головой на стену, чтобы отдохнуть и провалился в темное забытие. Лязг решетки вернул его к действительности в очередной раз из многих. Но на этот раз камеру посетил не тюремщик. В сером сумраке пред Тайлугом возникло лицо жреца Та-Зама.

– Неуютно у тебя здесь. Даже присесть некуда, – с иронией произнёс неожиданный посетитель.

– Почему же, – ответил Тайлуг, проведя языком по пересохшим губам. – Садись рядом на кучу соломы. Места хватит. Но зачем в мою скромную обитель пожаловал столь высокий гость? Неужто для того, чтобы разделить со мною мои последние часы?

– Меня радует, то, что ты не утратил способности шутить, – усмехнулся Та-Зам. – Благодарю за приглашение, но я лучше постою.

– Ты пришел отвести меня на казнь?

– Много чести, – снова усмехнулся Та-Зам. – Да и время еще не пришло. На казнь тебя отведет стража.

Зачем же ты пришёл?

– Ты ведь не хочешь умереть, как преступник? – вкрадчиво спросил Та-Зам.

Тайлуг вскочил на ноги, рванув цепь.

– Я не государственный преступник и я не растрачивал имперской казны!

– Я знал многих преступников, и все они утверждали, что невиновны. Не надо оправданий, – Та-Зам небрежно отмахнулся ладонью, как бы стряхивая с нее капли воды и замолчал. Выдерживая долгую паузу, он нарочито отрешенно наблюдал за игрой огня факела. По всему видать жрец пришел сюда вовсе не для того, чтобы из любопытства заглянуть в глаза смертнику. Он явно что-то затеял.

– Ты зачем пожаловал? – спросил Тайлуг, прервав затянувшееся молчание.

– Зачем? – Та-Зам растянул тонкие губы в подобие улыбки. – Я здесь, чтобы предложить тебе путь спасения.

– Путь спасения? Но я не прошу пощады. Я желаю смерти воина, но требую наказать Адаульфа, как истинного преступника.

– Речь не об Адаульфе, – очень тихо и вкрадчиво прошептал Та-Зам. В свете факела его глаза блеснули холодным огнём. – Ты не понимаешь простых и очевидных истин, Тайлуг.

– Какие еще истины! – Тайлуг вновь невольно рванул цепь. – Я не понимаю твоих мудрствований, жрец! Я знаю, что виновный должен быть наказан! Так будет справедливо! Это закон Мауронга!

– Видишь ли, – задумчиво промолвил Та-Зам, – Закон Мауронга писан для людей, но не все, далеко не все в этом великом мире помещается в тех границах, что видимы и понятны простому смертному. Я, будучи жрецом Храма крови, вижу больше чем ты, Тайлуг. В темных глубинах потока мироздания мне открывается будущее. Поток мироздания это и есть высшая справедливость, которая восходит далеко за пределы наших суждений о добре и зле. Твои рассуждения о справедливости это только твое понятие о ней и не более того.

– Послушай жрец, – прервал Тайлуг монолог Та-Зама. – Мне все равно, что там и какая справедливость у этого самого потока мироздания и куда он стремится. Я знаю одно – подлый шакал Адаульф должен быть наказан.

– Еще раз повторяю, речь не об Адаульфе, речь о тебе, Тайлуг, – жестко произнес жрец. – Против тебя все доказательства. Ты преступник, приговоренный к смерти, и спасти тебя может только один путь. Только я могу указать тебе его.

– Ты? – недоверчиво нахмурился Тайлуг.

– Я, – торжественно заявил Та-Зам. – Я вытащу тебя из этих стен. Но взамен ты окажешь мне услугу.

– Какую ещё услугу?

В холодных, как осколки льда, глазах жреца блеснул жадный огонь.

– Это будет героический шаг с твоей стороны, кронгетальп, Тайлуг, – нарочито медленно произнес он.

– Героический шаг? – Тайлуг презрительно хмыкнул. Он был воином, всегда честно выполнявшим свой долг, и подобные громкие фразы никогда не привлекали его.

– Да, героический, – кивнул Та-Зам. – Ты помнишь? Твоя эта фраза на суде. Ты заявил о том, что верховный жрец Заук знал о разрушенной стене и, тем не менее, отдал безумный приказ.

– И что с того, что я заявил, – возразил Тайлуг. – В тот миг я еще не знал и не понимал, что ни вожак, ни верховный жрец не знали истинного положения дел. Подлый Адаульф лгал им.

– А, может быть, ты был прав? – вкрадчиво спросил Та-Зам. – Может быть, верховный жрец знал все. Может быть, верховный жрец был в сговоре с Адаульфом? Подумай.

Та-Зам замолчал. Молчал и Тайлуг. Он плохо разбирался в дворцовых интригах, но вместе с тем мгновенно сообразил, что этот жрец предлагает ему принять участие в какой-то гнусной игре.

– Что скажешь? – спросил Та-Зам после недолгого молчания.

Тайлуг недоуменно пожал плечами, напустив на себя вид простака, которому жуликоватый торговец на рынке пытается-

ся всучить гнилье.

– Я не понимаю, куда ты клонишь, жрец. Не понимаю. Чего ты хочешь от меня?

– Чего я хочу? Я хочу..., – Та-Зам задумчиво пожевал губами, накинув на свое лицо маску равнодушия. – Эта фраза. Ты ее произнес. Но писарь не занес ее на пергамент. Сволочь.

– Правильно, что не занес! – кивнул Тайлуг. – Верховный жрец невиновен. Преступник – Адаульф.

– Верховный жрец виновен! – жестко возразил Та-Зам. – Он в сговоре с Адаульфом. Ты должен подтвердить свои слова, сказанные в суде. Ты должен написать, что верховный жрец Заук знал о разрушенной стене и отдал преступный приказ. Он – главный виновник разрушения Монтигура. Он – преступник. Ты напишешь об этом, Тайлуг. Ты известный кронгетальп, герой многих сражений. Твой донос станет толчком к решительным действиям. Совет жрецов сместит Заука, а я стану первым жрецом, после чего я отменю Закон Мауронга. Я отменю этот жестокий Закон зверя. Империей должен править пожизненный вседержитель.

– И этим вседержителем будешь ты? – постарался спокойно спросить, Тайлуг, едва сдерживая в себе праведный гнев.

– Да, это буду я, – охотно кивнул Та-Зам. – А ты будешь пожизненным верховным вожаком над всеми войсками Империи. Ты будешь архгетальпом. Ты станешь народным героем. Пред тобой откроются очень большие пути. Как тебе моё предложение? По-моему, от него невозможно отказаться-

ся. Ты должен это сделать во имя Империи, во имя народа, во благо...

– Пошел, вон, – брезгливо скривился Тайлуг.

Услышав эту короткую фразу, Та-Зам резко замолчал.

– Пошел, вон, грязная вонючая собака! – гнев и омерзение клокотали в Тайлуге, как вода в кипящем котле, и он едва сдерживал себя. – Ты желаешь захватить власть моими руками. Ты хочешь, чтобы я оклеветал невинного. Но я воин Мауронга, а не грязный вонючий подонок, готовый ради сохранения своей никчемной жизни на любую подлость. Убирайся вон, вшивый шакал!

Судорожная гримаса, отдаленно напоминающая улыбку, исказила физиономию Та-Замы, но только на доли секунды. Уже в следующее мгновение, прорвавшаяся было эмоция, скрылась за маской холодного безразличия.

– Это нехорошо, очень нехорошо, – покачал головой жрец, благоразумно отступив на пару шагов. – Я полагал, что ты рассудительный человек. Зачем же так опрометчиво бросаться словами? За такие слова ты вполне можешь умереть здесь немедленно, не дождавшись дня казни. Причины смерти могут быть, как ты сам понимаешь, самые разные. Самоубийство, болезнь, да мало ли. Но я склонен думать, что эта твоя горячность вызвана переутомлением...

– Вонючий хорек! – прохрипел Тайлуг, гремя цепью. – Гнусная крыса! Ты сам в сговоре с Адаульфом! Изменник!

– Замолчи! – Та-Зам выхватил из-под полы мантии узкий

кинжал. – Я могу прирезать тебя немедленно, коли ты желаешь подохнуть! Я стану первым жрецом и без твоей помощи. Но все же я дам тебе время, чтобы ты смог подумать над моим предложением. Все лучшее, что есть в Империи, надеется на твое благоразумие. Говорить кому-либо о нашей беседе не советую. Ты преступник и тебе никто не поверит. Не сомневаюсь, что ты примешь правильное решение. Я уйду, но я еще вернусь

* * *

Тайлуг неподвижно лежал на куче соломы, устремив взор в непроглядную темень. Волны негодования и ярости, поначалу захлестнувшие его после ухода Та-Зама, постепенно улеглись в зеркальную гладь, без искажений отражающую жестокую реальность. Тайлуг размышлял холодно и расчетливо, раз за разом прокручивая в памяти разговор со жрецом.

Выходило так, что не все было спокойно во властной верхушке Империи. Борьба за власть шла не только в честных поединках, как то было завещано великим Маурногом, но и на других незримых и тайных полях сражений. Этот жрец Храма крови решил стать первым в Совете. Он задумал свой мерзкий спектакль, уготовив в нем для Тайлуга роль тряпичной куклы в руках кукловода. Но жрец опрометчиво полагает, что полностью контролирует, затеянную им игру.

Нет, настоящая игра только начинается.

– Я не умру, не отомстив, – прошептал Тайлуг в темноте. – Та-Зам, ты настолько уверен в моей беспомощности, что открыл предо мною свой истинный лик и поведал о своих планах. Но ты ошибаешься. Беспомощен только мертвый. Тот в ком еще теплится хотя бы малая искорка жизни, может все. Так говорил великий Мауронг, и его сила поможет мне.

В темноте коридора послышались отдаленные шаги
«Возвращаешься уже, – подумал Тайлуг, полагая, что это приближается Та-Зам. – Нетерпелив ты, однако»

Но Тайлуг ошибся. Лязгнула решетка, и на этот раз пред ним в свете факела проявилась физиономия тюремщика. Помимо него в камеру протиснулись двое стражников.

– Сидишь, – ухмыльнулся тюремщик волчьим оскалом. – Недолго тебе осталось. Скоро подохнешь. Вставай!

Тайлуг неохотно поднялся на ноги.

– Руки вытяни! – приказал один из стражников. Тайлуг подчинился.

Стражник крепко связал его руки веревкой. Тюремщик опасно приблизился к Тайлугу, продолжая мерзко щериться.

– Сказано, что у тебя здесь условия плохие, – гадко произнес он. – Велено улучшить так, чтобы смерть для тебя была в радость. Отойди от стены!

В руке тюремщика блеснула связка ключей. Он наклонился к навесному замку, что соединял собою цепь со скобой

на стене и тут же резко выпрямился, выпучив бесцветные глаза.

«Заметил, тварь», – Тайлуг стиснул зубы.

Тюремщик вновь наклонился и зацепил пальцами камень. Тот заметно шатнулся.

– Вон оно как! – хрипло выдохнул тюремщик. – Едва не отковырял! Чем ковырял! Говори!

– Зубами, – нагло ухмыльнулся Тайлуг.

– Обыщите его! – приказал тюремщик.

После недолгого обыска стражники изъяли у Тайлуга сто-
ченные набойки.

– Находчивый, однако, – хмыкнул тюремщик. – Жить ви-
дать хочешь? Хочешь, ежели сбежать пытаешься? Не жела-
ешь подышать, как собака?

Тайлуг молчал. Тем временем тюремщик ключом открыл замок. В тот миг у Тайлуга возникло желание броситься на стражников. Он понимал, что со связанными руками у него нет шансов одолеть их, но был шанс умереть от меча, как он того хотел ранее. Хотел ранее, но не должен был теперь. Теперь он должен выживать любой ценой, чтобы использовать малейший шанс и выбраться из этих стен. Выбраться, чтобы отомстить. Но, шансов по всему у него более не оставалось.

– Пошли, – один из стражников потянул Тайлуга за цепь. Его повели по темным коридорам, затем вниз по крутой лестнице. Редкие факелы на сырых стенах освещали путь.

Пред ним открыли тяжелую дверь. За ней пряталась тесная, зажатая заплесневелыми стенами темница.

– Здесь будешь теперь радоваться жизни, – ухмыльнулся тюремщик. – Смерть для тебя будет желанным избавлением.

Он замком примкнул цепь к скобе на стене. Стражники развязали Тайлугу руки. Затем дверь закрылась, и его глаза погрузились в полную темноту. Он вновь остался один, но на этот раз среди непроглядного мрака. Угрюмая тишина давила на уши, а тяжелые своды сырого подземелья исторгли леденящий холод.

* * *

В глубине темного подземелья холодная реальность слилась воедино с мутными сновидениями. Время казалось застыло в этих холодных каменных сводах. Тайлуг спасался от леденящей сырой стужи, зарываясь в кучу соломы. Он не пытался более освободиться, ибо на этот раз не имел под рукой даже крошки спасительного металла, коим можно было грызть камни. Да и тюремщик, сопровождаемый стражниками, каждый раз при своем приходе не забывал проверить на прочность крепление железного кольца к стене, освещая его факелом и довольно хмыкая при этом.

– Не сбежишь, – ухмылялся тюремщик. – Тварь преступная.

Тайлуг угрюмо молчал.

Возвращаясь к жестокой реальности из очередного забытья снов, он зачастую некоторое время не понимал, где находится. Умер ли? Жив ли еще? Он перестал отличать черную реальность от бездонной и темной пропасти небытия. В тот миг, когда лязгнул замок на двери и свет факела выхватил из темноты хищную физиономию жреца Та-Зама, Тайлуг решил, что это очередной бредовый сон.

Жрец одарил Тайлуга скорбной улыбкой.

– Как твоё здоровье? – нарочито участливо спросил он. – Я слышал, что ты пытался сбежать. Странно. Здесь не так уж и плохо. Спокойно все и без суеты. Есть время в тиши поразмыслить о бренности существования, о своей жизни, о возможности спасения.

Тайлуг молча поднялся на ноги с кучи соломы.

– Как настроение? – продолжил вкрадчиво Та-Зам, щедро одаривая узника долгим изучающим взглядом змеи, готовой вонзить ядовитые клыки в жертву, – Впрочем, можешь не отвечать. Вижу, что у тебя хорошее настроение, да и выглядишь ты неплохо. Разве, что качает тебя немного. Но это от радости, что я здесь. Не так ли?

– Зачем пришел? – равнодушно спросил Тайлуг.

– Зачем? Странно. Ты разве не помнишь? Я вернулся и принес с собою чистый пергамент, чернила и гусиное перо. Уверен, что ты принял правильное решение.

– Да, я давно принял решение, – кивнул Тайлуг.

– Очень хорошо, – тень холодной усмешки легла на губы

жреца.— Я не сомневался.

— Я тоже не сомневался, — произнес Тайлуг. — Тебе неудержимо, хочется власти, как болезному расстройством желудка, не терпится добежать до сортира. Но ты обделаешься в штаны, когда будешь подыхать.

Во взгляде жреца мелькнула растерянность.

— Ты что себе позволяешь, смертник! — хрипло произнёс он, судорожно проглотив слюну

— Смертник это ты! — возразил Тайлуг. — Сила великого Мауронга накажет тебя, если ты сам не признаешься в своих гнусных намерениях и деяниях перед гражданами Империи. Это твой последний шанс спасти себя. Я даю тебе право выбора.

Та-Зам отступил от Тайлуга на пару шагов и нервно усмехнулся.

— Ты мне даешь право выбора?! Ты мне?! Ничтожество, прикованное к стене?! Время, проведённое в этих стенах, в полной темноте и одиночестве даёт о себе знать. Ты болен. Но я тебя вылечу. Стража!

В камеру вбежали двое стражников.

— Высечь его! — приказал Та-Зам.

Удары металлическими прутьями пронзили Тайлуга болью. Вскоре он потерял им счет. Очнулся от холодной воды, стекающей по лицу.

— Не передумал? — услышал он сквозь боль.

— Молчишь. Что ты молчишь? Говори!

Сквозь мутную пелену Тайлуг увидел над собою восковое лицо жреца, его холодные, змеиные глаза и почувствовал в себе ледящую силу.

– Ты умрешь, – прошептал он. – Исчезнешь, развеешься как пыль. Я обязательно вернусь, жрец, ты слышишь. Я это знаю. Я приду за тобой. Приду за Адаульфом.

– Что ты несёшь, глупец. Умрешь ты, – Та-Зам постарался усмехнуться. Но получилось нервно и необедительно.

– Я вернусь, – уверенно произнёс Тайлуг.

– Всё, достаточно. Я устал слушать этот чрезвычайно пугающий меня бред, – с сарказмом в голосе проговорил Та-Зам. – Мне жаль. Очень жаль, что так всё заканчивается. Я полагал, что ты разумный человек. Должен сообщить, что перед повешением тебе железным ломом раздробят кости на руках и ногах, а также вырвут язык. Я искренне огорчен.

– Убирайся, – прохрипел Тайлуг.

Лязгнул замок на двери, и глаза вновь погрузились в непроглядную темноту.

Глава 8

ВЫБОР

Тюремщик Харь проведя всю ночь в пивнушке на площади Трех собак, нетвердой походкой выбрался на улицу и не обнаружил своего коня. Он бестолково затоптался на месте, покачиваясь и тупо озираясь по сторонам. Мелкий холодный дождь моросил ему за ворот. Тюремщик стряхнул ладонью с острого носа каплю воды и подошел к коновязи. Лошадь лекаря Сидра была на месте. Старый жеребец банщика Вадула медленно жевал овес из мешка, закрепленного на морде. Кобыла хлеботорговца Хирта тоже была здесь. Конь тюремщика отсутствовал.

Харь пожал плечами, напрягая лоб. Сказать по правде он не помнил, как попал в пивнушку. Может быть, он оставил своего коня где-нибудь в другом месте? А может возле дома жрицы любви Дикканы?

Может быть.

Он помнил, как вечером зашел к Диккане, но не мог припомнить, как покинул ее заведение. В памяти смутно вырисовывались картины танцующих голых девок, тесная грязная комната, медвежья шкура на полу, какая-то жирная баба на ней и...

И все. Более он ничего не помнил.

Небо светлело. Тюремщику пора было на службу. Само собой, что после такой ночи он вовсе не собирался разносить заключенным еду. Он намеревался добраться до Храма крови и там завалиться в свою каморку до вечера, чтобы набраться сил.

После надрасных раздумий, похмельная голова Харя ничего не придумала иного, как идти на службу пешком. Он злобно сплюнул и зашагал по лужам. Лошади редких всадников, проскакывая мимо, обдавали его брызгами грязной воды из-под копыт. Хать раздраженно крыл их ругательствами вслед. Так он прошел один квартал, затем другой и чтобы сократить путь, нырнул в сумрачный узкий переулок. Там его замутило. Пиво и еда просились наружу. Хать метнулся к стене дома и украсил ее содержимым своего желудка.

– Эй! – послышался за его спиной негромкий возглас.

Тюремщик вздрогнул, обернулся и увидел за спиной всадницу на гнедом коне. Всадница спешила и приблизилась к тюремщику. Нижнюю часть лица ее до глаз прикрывала черная повязка. Длинные золотистые волосы спадали на плечи. Фигуру до земли скрывала темно-синяя плащевая накидка.

– Ты тюремщик Тайлуга? – спросила она.

– Ты кто такая? – насторожился Хать. – Я тюремщик великой Империи, а не какого-то там Тайлуга.

– Ты его тюремщик, – уверенно произнесла незнакомка. –

Денег хочешь?

– Денег? – Харь жадно облизнул пересохшие с похмелья губы. – А кто денег не хочет? Все хотят. И много их у тебя? Давай сюда все.

– Немного, но тебе хватит, – ответила незнакомка. – Мне нужна встреча с Тайлугом.

– Встреча с Тайлугом. Встреча..., – Харь тупо наморщил лоб, пытаясь сообразить, о ком идет речь. – Встреча..., с Тайлугом. Аааа, с Тайлугом! С преступником! С подлым изменником!

– Здесь десять империалов, – незнакомка достала из-под накидки кошелек. – Устроишь встречу сегодня ночью.

Харь жадно протянул руку к кошельку, но немедленно отдернул и трусливо посмотрел по сторонам. Его одновременно захлестнула жадность и страх за свою шкуру. Без разрешения жреца Та-Зама встреча посторонних людей с изменником грозила тюремщику лютой смертью. А вдруг, кто-нибудь из стражников увидит, что Харь провел в тюрьму постороннего и донесет Та-Заму? Да и кто она такая? Наверняка она тоже заодно с изменником. Страх заполнил Харь, но и жадность не отступала. За десять империалов можно было гульнуть в пивнушке десять ночей или пять раз посетить дом жрицы любви Дикканы. Нет, просто так эти деньги нельзя упускать. Поразмыслив немного, Харь решил попросту забрать деньги у незнакомки, пообещать ей встречу и не выполнить обещание.

– Давай кошелек! – он вновь жадно протянул растопыренную ладонь. Незнакомка отдернула руку.

– Деньги потом, после встречи, – решительно произнесла она.

– Ты мне не веришь? – возмутился Харь. – Не веришь тюремщику великой Империи мауронгов? Да как ты смеешь?!

– Деньги потом! – снова жестко произнесла знакомка. – Проведешь меня к Тайлугу этой ночью и получишь деньги.

– Ага, получу, – мерзко ухмыльнулся Харь и, не раздумывая, жадно кинулся за кошельком. – Деньги давай тварь!

Он схватил знакомку левой рукой за шею, а правой попытался выхватить кошелек и почувствовал жгучий удар в живот. Дыхание перехватило. Харь сдавленно захрипел и опустил взгляд. Последнее что он увидел в своей жизни – свою кровь на лезвии кинжала.

* * *

Тайлуг сидел на куче соломы, припав спиной к холодным камням. Он слышал, как вокруг него в темноте шныряли крысы. Гнусные твари опасались приближаться к живому человеку, но Тайлуг знал, что они не преминут изгрызть мертвеца до костей.

Темнота и голод обостряют чувства. Песчинки времени медленно падали в пустоту вечности, тревожа темную гладь воспоминаний, и давно забытые события прошлых лет рисо-

вались на ней, проявлялись сквозь плотный туман забвения смутными картинами.

В них Тайлуг маленьким мальчиком карабкался по острым скалистым утесам над шумным прибоем Северного океана, впиваясь пальцами в крепкие камни и ощущая при этом пьянящую сладость опасности вместе с головокружительным восторгом преодоления высоты. Там наверху свежий ветер бил ему в лицо, наполняя его грудь великой силой, принесенной из неведомых далей.

Иллюзия прохлады ветра сменилась леденящим холодом, пронзающим до костей и возвратившим его из грез прошлого во мрак сырого подземелья. Но, что это? Видение? Игра воображения? Темнота подземелья расступилась, и он увидел белые облака. Там, вдалеке, за лесной рощей водная гладь реки отражала высоту неба. Навстречу к нему шла... нет, она будто плыла по воздуху. Её длинные, светлые волосы шевелил ветер.

– Агни, – прошептал он.

– Тайлуг, муж мой, – она протянула ему руки. Он бросился навстречу к ней и почувствовал, что не может приблизиться, она медленно удалялась от него.

– Агни! – вскрикнул он. Их руки едва соприкоснулись. Кончиками пальцев он на миг почувствовал её мизинец, маленький, теплый, живой.

На глаза нахлынула тьма, затем надсадно скрипнули петли двери, и темноту разогнал свет факела. Тайлуг ожидал уви-

деть ненавистную физиономию тюремщика, но на этот раз в темницу вошел незнакомец. Его лицо пряталось за колючей густой бородой. Единственный правый глаз вошедшего мрачно блестел. Щеку до пустой левой глазницы рассекал снизу доверху глубокий шрам.

– Жив еще? – спросил одноглазый. – Бери. Я тебе пожрать принес.

Пред Тайлугом на пол легла деревянная миска с хлебной лепешкой и куском жареного мяса. Забытый аппетитный запах хорошей свежей еды пронзил ноздри.

– Ешь, – приказным голосом произнес одноглазый.

Тайлуг протянул руку и тут же отдернул назад.

«Отравить решили», – мелькнула нехорошая мысль.

– Ты чего? – удивленно поднял густые брови одноглазый. – Не голоден? Или отвык от хорошей еды?

– С чего бы такие блага? – с подозрением в голосе спросил Тайлуг. – Решили отправить меня в Дхор, наградив удовольствием вкусить приятные яства?

– Ээээ... Так ты полагаешь, что я тебя отравить вознамерился? – спросил одноглазый после короткой паузы. Смерти боишься? А в народе говорят, что ты бесстрашен, и смерть боится тебя. Чему мне теперь верить?

– Чему хочешь тому и верь. Я не боюсь смерти, ибо смерть это новое рождение для праведных. Но я не желаю уйти из Эгириса, не отомстив подлым мерзавцам.

– Кому ты желаешь отомстить?

– Будто ты не знаешь. А если не знаешь, то спроси того, кто послал тебя с ядом ко мне.

– С ядом? – одноглазый усмехнулся. – Вот так всегда. Желаеть сделать доброе дело, а тебя обвинят во зле. Уж такова жизнь. Но смотри же, если не веришь мне.

С этими словами он отломил кусок лепешки и отправил себе в рот, с насмешкой глядя на Тайлуга. Затем прихватил кусок мяса.

– Эй, хватит, – Тайлуг протянул руку, жадно подаваясь вперед. – Ты так все сожрешь. Давай сюда.

– Еще чего, – одноглазый ощерился сквозь густую бороду. – А где благодарное слово?

– Кто ты такой? – настороженно спросил Тайлуг и жадно впился зубами в мясо.

– Не узнаешь меня? – невесело усмехнулся незнакомец. – Время меняет нас. Я уже стар, да и острая сталь изменила до неузнаваемости мой лик. Я Дзен. Бывший командир третьей хуги седьмого хугатона Тигр. Я бился вместе с тобою против зергов в долине реки Хель.

– Дзен? – Тайлуг недоверчиво посмотрел на сгорбленного старого человека. В нем ничего не осталось от облика того доблестного гетальпа, ведущего за собой бойцов в битву. – Дзен? Это ты? Я помню этот день! Я помню ту мою первую битву, будто это было вчера! Но, что произошло? Почему ты здесь в этих стенах?

– Долго рассказывать, – печально улыбнулся Дзен. –

Жизнь коварная штука. Я был воином. Теперь я твой тюремщик.

– Мой тюремщик? А где прежний тюремщик? Где этот шакал?

– Кто-то прирезал его, – ухмыльнулся Дзен. – Теперь я буду присматривать за тобой. Помню тебя, как доблестного воина. Но как ты мог стать изменником?

– Я не изменник, – возразил Тайлуг.

– Все преступники отрицают свою вину, – уверенно произнес Дзен. – Человек существо непостоянное. Зачастую его деяния во многом зависят от жизненных обстоятельств. Вчера он был герой, а завтра становится преступником. Такова жизнь.

– Я не преступник, – мотнул головой Тайлуг.

– Понимаю, – кивнул Дзен. – Порой человек сам не желает себе признаваться в том, что совершил. Так ему удобнее. Ты преступник, но я помню твою доблесть воина и сделаю все, чтобы твои последние дни были не столь мрачны. В лучшую камеру я тебя не переведу. Сюда тебя определил Та-Зам. Так, что придется тебе здесь коротать свое последнее время. Но кормить хорошо и свежую воду тебе буду давать, дабы ты на своих ногах смог пройти свой последний путь.

Спасибо и на том, – произнес Тайлуг, проглатывая последний кусок лепешки. – Сколько дней осталось до казни?

– Двадцать, – ответил Дзен и снова громко хохотнул. – Тебе выпала великая честь открыть бои за трон вожака Импе-

рии. Не каждому так везет. Слушай, а говорят, что ты припрятал золото имперской казны. Скажи мне, где оно, и я тебе принесу лучшего вина, да и красотку могу прямо сюда доставить. Устрою тебе праздник. Проживешь последние дни, как царь. Скажи, где припрятано золото. Оно ведь тебе все равно ни к чему уже. Да и в Дхоре не пригодится.

– Нет у меня золота, – угрюмо ответил Тайлуг.

– Есть, – уверенно произнес Дзен. – Ты подумай. Я не तो-роплю.

– Спроси о том наместника Адаульфа.

– Адаульфа? Ты шутник. Адаульф меня сразу прирежет за такой вопрос. Да и откуда он должен знать про золото, ежели ты его украл.

– Отстань, – отмахнулся Тайлуг.

– Слушай, а в народе поговаривают, что ты на самом деле невиновен, – тюремщик наклонился и приблизился вплотную к Тайлугу, настолько, что его можно было крепко схватить рукой за шею и придушить.

Тайлуг ничего не ответил. У него возникло желание ударить Дзена, забрать у него ключи, освободить руку, выбраться из камеры, а далее осуществить свой план побега. Но что-то остановило его. Может один единственный глаз этого человека, слегка наивный, в меру жадный и без тени какого-либо коварства. Он смотрел на Тайлуга с любопытством и состраданием, тщательно скрываемым за маской нарочитой суровости.

– Ты невиновен, – сделал умозаключение Дзен. – Я видел глаза многих преступников. Они чрезмерно правдивы в своем отчаянном желании скрыть свои зловещие деяния. У невиновных в глазах пустота. Я вижу в твоих глазах эту пустоту, бесконечную, как сама вечность. Нет у тебя золота. Жаль.

– Да, жаль, – невесело усмехнулся Тайлуг. – Ничем тебе помочь не могу. Сожалею о том.

Тюремщик удивленно поднял брови.

– Приговоренный к смерти, сожалеет, что не может мне помочь ничем, – произнес он после недолгого молчания. – Впервые такое слышу от смертника. Обычно они меня сами просили о помощи. Умоляли устроить им побег. Предлагали вознаграждение. Разве ты не желаешь сбежать?

– Желаю, – кивнул Тайлуг. – Еще немного ранее я желал свернуть тебе шею, забрать твои ключи и выйти отсюда. Но мне стало жаль тебя.

– Во как! – Дзен отшатнулся.

– Да так. Но я могу передумать. Ты это, осторожнее со мною. Мои руки сами могут сдавить твою глотку.

– Благодарю за предупреждение.

– Не надо благодарностей. Я не убил тебя, и будем считать, что это моя благодарность тебе за хорошую еду.

– А ты шутник, – рассмеялся тюремщик.

– Да шутник, как никогда, – согласился Тайлуг. – Вся наша жизнь похожа на чью-то злую шутку.

– Точно! – закивал тюремщик. – Тебе осталось пребывать в этой шутке считанные дни. Не желаешь напоследок пошутить, как никогда?

– Ты это о чем? – спросил Тайлуг.

– Видишь ли, в чем дело, – задумчиво произнес Дзен. – Ты мой соратник. Мы с тобой бились рядом, и признаться у меня появилось желание устроить тебе побег. Но что толку с него? Сбежав, ты останешься преступником и будешь изгоем. Тебя в любой миг смогут поймать и предать казни. У меня есть мысль получше. Но согласишься ли ты? Я полагаю, что согласишься. Тебе ведь все равно терять нечего, но ты можешь приобрести...

Дзен осекся на полуслове и настороженно посмотрел по сторонам, как бы опасаясь посторонних ушей.

– Что ты хочешь сказать? – недоверчиво спросил Тайлуг.

– Скажу на ухо, – прошептал тюремщик. – Ты меня не придушишь?

– Постараюсь, – ухмыльнулся Тайлуг. – Говори.

Дзен наклонился к Тайлугу.

* * *

В ночное время глубины имперской тюрьмы застывали могильной тишиной. Лишь изредка в темноте слышался осторожный шорох крыс да потрескивание древних стен, уставших нести свой груз под тяжестью долгого времени.

Темнота и тишина обостряют чувства. Еще немного ранее Тайлуг ощущал себя зверем, загнанным в ловушку. Но тюремщик Дзен предложил ему выйти из нее путем поистине крайне рискованным. Впрочем, Тайлугу было не привыкать рисковать в битвах и выходить победителем из них. Но на этот раз риск граничил с безумием.

Тайлуг принял безумное решение и после ухода Тюремщика ощущал себя зверем в засаде, ждущим своего часа. Оставалось лишь набраться сил для решительного броска.

Холодное спокойствие разливалось по телу. Мерно стучало сердце. Лежа на куче соломы и прикрыв глаза, Тайлуг растворялся мыслями в тюремной тишине, ощущая при этом текучие и плавные потоки времени. Не имея преград, они пронизывали толстые стены. Он плыл навстречу этим потокам, и в их зыбких волнах проступали картины из прошедших лет его жизни. Они наполняли его силой.

Клинок в детской руке. Учебные бои. Победы, поражения и вновь победы. Первая битва. Кровь врагов. Встреча с Агни.

Они встретились в день восьмого полнолуния пять тысяч триста четвертого пути Небесного огня от начала Хаккадора на берегу Северного океана возле маяка. Тайлуг направлялся из города Кан в крепость Анасунг, для дальнейшего прохождения воинской службы, будучи назначенным командиром боевой сотни в составе третьей хуги пятого хугатона войск Империи. Он подгонял коня, намереваясь прибыть в крепость к вечеру.

Длинные ряды серых волн тяжело и монотонно накатывались на пустынный берег. Он увидел ее издали, сидящей на краешке большого плоского камня. Она смотрела вдаль, туда, где бесконечность океана сливалась с бескрайним небом. Тайлуг приблизился к ней. Она обернулась, и будто две молнии пронзили его.

– Кто ты? – спросил он.

– Агни, – ответила она, едва заметно улыбнулась, и он почувствовал, как невидимая волна накрыла его с головой, захватила своей непреодолимой силой и понесла в бесконечную глубину.

– Пойдешь со мной по жизни? – не раздумывая, спросил он.

– Да, – кивнула она и поднялась с камня.

Позже он узнал, что она дочь смотрителя маяка. В Империи мауронгов смотрители маяков владели древней магией огня.

– Агни, – прошептал Тайлуг. – Ты мой свет. Я не верю, что он погас.

С этой фразой он услышал в глубине тюрьмы звук шагов. Чуткий слух Тайлуга узнал прихрамывающую походку тюремщика Дзена. Странно. Что он здесь делает глубокой ночью? Но с ним был еще кто-то, легко и едва слышимо тревожащий ступнями камень пола тюрьмы. Сердце Тайлуга встрепенулось подобно огню. Шаги приблизились к двери, и она распахнулась.

На пороге в свете факела стоял Дзен.

– Не спишь? – спросил он, закрепляя факел к скобе на стене. – К тебе гости. Я вас оставлю.

– Кто? – Тайлуг поднялся на ноги, чувствуя, как сердце выскакивает из груди.

Тюремщик молча удалился, и в темницу вошел гость, а вернее сказать гостья в длинной плащевой накидке. Она приблизилась к Тайлугу и без слов скинула с головы капюшон.

– Агни! – выдохнул Тайлуг, не веря своим глазам.

Да, это была Агни.

– Тихо, – она приложила палец к губам Тайлуга. – Это я. Живая.

– Агни, – произнес Тайлуг, крепко обнимая жену. – Агни. Моя Агни. Ты жива.

Он замолчал не в силах более промолвить ни одного слова. Она тоже молчала, приникнув головой к его груди.

Молчание длилось долго.

Он осторожно обхватил ладонями ее лицо и взглянул в ее бездонные глаза.

– Агни, жена моя.

– Муж мой, а ты неплохо выглядишь для этих стен, – постаралась пошутить она.

– Агни, прости меня за мою глупость, за то, что доверился негодяю Адаульф. Ты предчувствовала, а я не внял твоим словам, – горячо зашептал Тайлуг. – Как же я рад, что ты

жива! Сколь много сил во мне прибавилось! Но как? Мне поведали, что враг поразил тебя мечом.

– Не верь в смерть человека, пока не увидишь его мертвым, – с улыбкой произнесла Агни. – Но даже если и увидишь его мертвым, все равно не верь. Ты же знаешь, кто я. Мой огонь помог сохранить мне жизнь, а Зун вылечил меня.

– Зун? – Тайлуг задумчиво нахмурил брови. – Этот сумасшедший?

– Все мы сумасшедшие, – произнесла Агни. – Все мы безумцы по сравнению с великим разумом Создателя. Зун – великий смельчак. Он вынес меня из горящего города, сокрыл в своей лесной хижине и вылечил. Он мудр, знает тайны подземелий. Он владеет заклинаниями и может готовить отвары из целебных трав. Теперь я здесь жива и здорова.

– Зун, – Тайлуг встряхнул головой. – Я вспомнил. Он мне крикнул, что змея заползет в мой дом. Он предвидел, а я не внял его словам, будучи сам безумным. Змея заползла в мой дом. Это Адаульф.

– Я вызволю тебя отсюда. Устрою побег, и мы отомстим Адаульфу! – горячо произнесла Агни. – Я могла бы его прирезать сама из-за угла, но знаю, что ты хочешь это сделать сам. У меня есть золото. Немного, но его хватит, чтобы купить тебе свободу. Скоро ты выберешься отсюда.

Тайлуг осторожно отстранился от Агни.

– Что с тобой? – спросила она.

Тайлуг мотнул головой.

– Я не могу, – тихо промолвил он.

– Что? Что ты не можешь? – настороженно спросила Агни.

– Я не могу бежать, – жестко произнес Тайлуг.

Агни удивленно подняла брови.

– Не можешь бежать? Почему?

– Если я сбегу, то навсегда останусь беглым преступником, а твоя жизнь тоже будет в постоянной опасности.

– Я буду обречена на смерть, если ты не убежишь. Меня убьют, если я не отрекусь от тебя, – возразила Агни. – Но я никогда не отрекусь и умру вместе с тобой. Если ты сбежишь, мы уедем вместе далеко, и нас никто не найдет.

– А Зерон? – спросил Тайлуг. – Если он жив, то ему тоже не поздоровится.

– Зерон, – печально произнесла Агни. – Зерон. Наш сын. Где он? Я верю, мое сердце подсказывает мне, что он жив.

– Я не убегу, – вновь жестко произнес Тайлуг. – Если еще чуть ранее я мечтал о побеге, то с недавнего времени у меня есть иной путь.

– Какой? – спросила Агни. – Что ты хочешь?

– Все или ничего, – произнес Тайлуг, и взгляд его потемнел, отражая огонь факела.

* * *

Факел на стене темницы догорал.

– Ты безумец, – тихо произнесла Агни. – Но ты прав в своем безумстве.

– Я это знаю, – согласился Тайлуг. – Но иного пути я не желаю. Все или ничего. Прошу тебя об одном. Не приходи ко мне больше. Не надо подвергать себя опасности. Немедленно уходи из города. Если мне суждено погибнуть, то я все равно найду тебя в вечности на перекрестках миров, как нашел когда-то на берегу океана.

– Ты не погибнешь, – уверенно произнесла Агни. – Тот, кто выбрал такой путь, погибнуть не может. Это говорю тебе я, дочь хранителя огня маяка. Мой огонь будет с тобой и даст тебе силы. Мое сердце будет биться в такт с твоим сердцем.

Она обхватила ладонями лицо Тайлуга.

– Муж мой! Избранный мой! Я ухожу, но я буду всегда рядом с тобой. Знай это и помни.

В двери появился тюремщик.

– Пора, – поторопил он. – Близится ночной обход стражи.

– Иди, – произнес Тайлуг. – Все будет хорошо. Я тебе обещаю.

Агни молча кивнула, накинула на голову капюшон и направилась к выходу из темницы. Дверь за ней закрылась, всколыхнув воздух, и факел на стене вспыхнул с новой силой.

ЧАСТЬ 2

Глава 1

АХАРТА

Харсия. Хантага. Пять тысяч триста семнадцать путей Небесного огня от начала Хаккадора. Четырнадцатый день десятой Луны.

В день великого Ахарунга трибуны Жертвенной чаши Хантаги заполнялись жадными до вида человеческой крови созерцателями по самые края. Только, что закончился очередной поединок Воинов смерти, Рабы железными крючьями уволокли труп неудачника, присыпали песком кровь, и арена опустела. Тысячи созерцателей притихли в ожидании следующего действия. Они знали, что на очереди схватка двух групп бойцов. Пользуясь недолгим перерывом, лотошники с лакомствами и напитками побежали меж рядов, наперебой предлагая свои товары.

– Извольте, господин Ахарта – услужливо склонился один из них пред созерцателем богатого облика, сидящим на ряду почетных мест. – Извольте. У меня самые лучшие лакомства.

Ахарта, даже не взглянул на торговца и смахнул рукой со лба капли мелкого дождя. Над Хантагой ползли тяжелые серые тучи. Сырой холодный ветер гнал их со стороны океана. Здесь в северном городе Харсии погода редко баловала ясным небом и теплом. Почти полгода Небесный огонь не заходил за горизонт. Столь же долго по времени длилась непрерывная ночь, и тогда холодную землю накрывал снег.

Но океан в это время не замерзал. Изредка северный ветер пригонял из далекой тьмы широкие льдины, и они разбивались о береговые скалы штормовыми волнами. Панцирем льда накрывалась на зиму только широкая река Ханта, что впадала в океан. В месте впадения, где соленые волны океана смешивались с пресными водами реки, на скалистом мысу в отдалении от городских стен высилась мрачная крепость. Она стояла здесь с давних незапамятных времен, и никто не ведал, кем и когда были возведены эти стены и башни. Ходили слухи, что их возвел, как свою обитель один из могущественных темных магов, чья династия ушла в небытие во времена кровавой войны, уравновесившей силы тьмы и света. Темный маг давно покинул Мир Изменений, но отражения его духа неслышным эхом гуляли по древним камням и забирали с собою смельчака, посмевшего нарушить своими шагами мертвую тишину древних чертогов. Но, то были только слухи. Тем не менее, местные жители во все времена старались обходить крепость стороной. Ее ворота, высеченные из скального монолита по форме гигантского че-

ловеческого черепа с разинутой пастью, вызывали потусторонний страх даже у самых отважных воинов. Поговаривали, что темными ночами в его глубоких глазницах, устремленных вдаль, проступает багровый огонь, а из черной пасти исходит фиолетовый туман.

Необитаемую твердыню глодало безжалостное время. Башни и стены поросли сырым мхом. Часть их обрушилась. Так бы продолжалось и далее, но крепость прибрал к рукам Ахарта. Он поселился в древних руинах, и в очаге мрачного чертога вновь разгорелся огонь. Ахарта пригнал к стенам крепости сотню рабов, и они в короткие сроки возвели рядом с ней боевой лагерь для подготовки Воинов смерти.

– Господин, господин... – продолжал настаивать торговец. Ахарта в упор взглянул на него холодным змеиным взглядом. Торговец вжал голову в плечи и быстро удалился.

Над Жертвенной чашей разнесся пронзительный звук трубы, возвещающая о начале очередного боя.

– Граждане могучей Харсии! – раздался над ареной зычный голос глашатая. – Наступило время великой жертвы! Сейчас на ваших глазах сойдутся в смертельной схватке лучшие воины из лагеря достопочтимого и уважаемого нами господина Сегрима и бойцы известного всем и каждому, великого мастера Ахарты! Победителей ждет слава, побежденных смерть и участь жертвы для царя Подземного Мира великого и ужасного Ахарунга. Смотрите же и наслаждайтесь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.